Божество пустыни

Автор:
Уилбур Смит

Божество пустыни

Уилбур Смит

Древний Египет #4

Продолжение бестселлера «Божество реки»!

Древний Египет. Время смуты, разрушительных войн и придворных интриг. Фараон поручает верному Таите миссию на Крит, чтобы заключить важный союз с сильным соседом и получить шанс разбить своих врагов гиксосов.

Впереди его ждут новые опасности и новые приключения…

Уилбур Смит

Божество пустыни

© Wilbur Smith, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

* * *

Я посвящаю этот роман своей драгоценной жене и верному товарищу Нисо. До встречи с тобой я не знал, что такое истинное счастье. А теперь ты наполняешь

каждый день моей жизни любовью, смехом и счастьем.

Ты рядом со мной, и я не поменялся бы местом и с царями.

Атон помигал глазками, утонувшими в глубоких складках жира, оторвал взгляд от лежащей между нами доски бао и посмотрел на двух юных царевен дома Тамоса, которые нагишом резвились в прозрачных водах лагуны.

– Они уже не дети, – заметил он вскользь без тени сладострастной заинтересованности. Мы сидели лицом к лицу на открытой террасе под крышей из пальмовых листьев возле одной из лагун великой реки Нил.

Я знал, что словами о девочках он хочет отвлечь мое внимание от следующего хода камнями бао. Атон не любит проигрывать и не слишком разборчив в средствах достижения победы.

Атон всегда занимал одну из самых верхних строк в моем перечне старых верных друзей. Как и я, он евнух и когда-то был рабом. Тогда-то – задолго до созревания – хозяин и выделил его за исключительный ум и сообразительность. Он хотел сохранить и развить эти качества, так, чтобы их не исказила и не испортила похоть. Поскольку Атон был очень ценной собственностью, хозяин, чтобы оскопить его, нанял самого известного в Египте врача. Хозяин давно мертв, а Атон высоко поднялся из рабов. Сейчас он управитель дворца фараона в Фивах, а еще ему подчиняется огромная сеть доносчиков, шпионов и соглядатаев, раскинутая по всему цивилизованному миру. Только одной службе уступает его паутина – моей. В этом, как и во многом другом, между нами существует дружеское соперничество, и мало что приносит нам большее наслаждение и удовлетворение, чем дающий преимущество удачный ход в этой игре.

Я наслаждаюсь его обществом. Он забавляет и часто удивляет меня своим добрым советом и неожиданной точкой зрения. Иногда он подвергает испытанию мое искусство за доской бао. И обычно очень щедр на похвалы. Но в основном служит оселком для моего ума.

Мы оба посмотрели на Бекату, младшую из царевен – она моложе сестры на два года, хотя догадаться об этом трудно, потому что для своих лет она высока, у

нее уже сформировались груди, и соски задорно торчат в холодной воде лагуны. Она гибка, проворна и смешлива. С другой стороны, нрав у нее очень переменчив. Черты благородные, сильный круглый подбородок, красиво изогнутые губы. Густые волосы сверкают на солнце искрами. Все это она унаследовала от отца. И хотя для нее еще не распустился красный цветок женственности, я знал, что это время близко.

Я люблю ее, но, сказать по правде, ее старшую сестру люблю чуть больше.

Техути – старшая сестра, прекраснейшая из двух. Когда я смотрю на нее, мне кажется, что я снова вижу ее мать. Царица Лостра была единственной большой любовью моей жизни. Да, я любил ее, как мужчина любит женщину. Ибо в отличие от моего друга Атона был оскоплен в зрелом возрасте, уже познав радость, которую дарит женское тело. Правда, моя любовь к царице Лостре так и не получила развития, поскольку меня оскопили до ее рождения, но, не утоленная, эта страсть была тем более яростной. Я нянчил Лостру, когда она была ребенком, провел ее сквозь долгую полную радости жизнь, советовал ей и охранял ее, отдавал ей себя всецело. И держал ее за руки, когда она умирала.

Прежде чем уйти в подземное царство, Лостра прошептала мне слова, которые я никогда не забуду:

– В своей жизни я любила только двух мужчин. Ты, Таита, один из них.

Слаще слов я никогда не слышал.

Я спланировал ее царскую усыпальницу, я руководил строительством, я уложил в эту усыпальницу некогда прекрасное, а потом иссохшее тело Лостры и хотел вслед за ней уйти в подземное царство. Но я знал, что не могу этого сделать, потому что должен заботиться о ее детях, как заботился о ней. И, право, это бремя не было тяжким, ибо эти священные подопечные наполнили смыслом мою жизнь.

В шестнадцать лет Техути уже вполне сформировавшаяся женщина. Кожа у нее блестящая и безупречная. Руки и ноги стройные и изящные, как у танцовщицы, – или как части большого лука ее отца, который я вырезал для него и который положил на крышку его саркофага, когда запечатал его могилу.

Бедра у Техути пышные, но талия тонкая, как горлышко винного кувшина. Груди круглые и полные. Шапка густых золотистых кудрей сверкает на солнце. Глаза зеленые, как у матери. Она так прекрасна, что невозможно описать, и, когда улыбается мне, сердце мое разрывается. Характер у нее мягкий, ее трудно рассердить, но она бесстрашна, и воля у нее сильная.

Я люблю ее почти так же, как любил ее мать.

– Ты хорошо растил их, Таита, – самоотверженно похвалил меня Атон. – Они стали тем сокровищем, которое может спасти Египет от варваров.

В этом, как и во многом другом, у нас с Атоном полное согласие. И именно это было причиной нашей встречи в таком отдаленном, уединенном месте, хотя все прочие во дворце, даже фараон, были убеждены, что мы встретились, чтобы продолжить свое бесконечное соперничество за доской бао.

Я не сразу ответил ему, но посмотрел на доску. Пока я смотрел на девочек, Атон сделал последний ход. Он играет в эту возвышенную игру искуснее всех в Египте, а это все равно, что во всем цивилизованном мире. Конечно, кроме меня. Обычно я выигрываю у него три из четырех партий.

Сейчас я с первого взгляда понял, что эта партия будет из числа трех. Последний его ход был необдуманным. Теперь расположение его камней утратило уравновешенность. Один из его недостатков как игрока таков: поверив, что побеждает, Атон забывает об осторожности – и о правиле семи камней. Он сосредоточивает все свои силы для удара с южной башни и позволяет мне возобладать на востоке или на западе. Сегодня это был восток. Я ударил, как кобра.

Он откинулся на сиденье, оценивая мой неожиданный ход, а когда понял всю его гениальность, лицо его потемнело от гнева; Атон прохрипел:

– Я, кажется, ненавижу тебя Таита. А если еще нет, то должен бы.

– Мне просто повезло, старый друг, – не стал я насмехаться над ним. – И ведь это только игра.

Он возмущенно надул щеки.

– Из всех глупостей, которые я от тебя слышал, Таита, это самая возмутительная. Это не просто игра. Это истинный смысл жизни.

Я достал из-под столика медный кувшин и наполнил чашу Атона вином. Прекрасное вино, лучшее в Египте, я взял его не где-нибудь, а в винном погребе в подвалах дворца фараона. Атон надул щеки, пытаясь разжечь свой гнев, но, как обычно в таких случаях, его толстые пальцы сомкнулись вокруг чаши, и он поднес ее к губам. Дважды глотнул и зажмурился от удовольствия. Поставив чашу, он вздохнул.

– Может, ты и прав, Таита. Есть и другие веские причины, чтобы жить. – Он начал укладывать камни бао в кожаный мешочек с завязками. – Так что доносят с севера? Удиви-ка меня снова достижениями твоей разведки.

Наконец мы подошли к истинной цели нашей встречи. Север – это всегда опасность.

Более ста лет назад могучий Египет раскололи измена и мятеж. Красный самозванец, мнимый фараон – я сознательно не называю его имени, да будет он проклят в вечности, – этот предатель восстал на истинного фараона и захватил земли к северу от Асуана. Египет погрузился в столетие гражданской войны.

Потом наследник красного самозванца в свою очередь был побежден свирепым и воинственным племенем, пришедшим из северных степей за Синаем. Эти варвары пронеслись по Египту, покоряя всех благодаря оружию, которое нам раньше не было известно, – лошадям и колесницам. Разгромив красного самозванца и захватив северную часть Египта, от Среднего моря до Асуана, гиксосы повернули на юг.

У нас, истинных египтян, не было от них защиты. Нас изгнали из наших земель, и мы были вынуждены отступить на юг, за нильские пороги у Элефантины, и уйти в дикие земли на краю света. Мы томились там, пока моя госпожа царица Лостра возрождала войска.

Моя роль в этом возрождении была вполне заметной. Я не хвастлив, но в данном случае могу, не опасаясь впасть в противоречие, утверждать, что без моего

руководства и совета моя хозяйка царица Лостра и ее сын, царевич Мемнон, который теперь стал фараоном Тамосом, никогда не достигли бы цели.

В числе многих других своих услуг ей я построил первые колесницы с колесами на спицах, которые легче и быстрей колесниц гиксосов: у тех колеса сплошные деревянные. Потом я раздобыл лошадей для колесниц. Когда мы были готовы, фараон Тамос, ставший мужчиной, повел наше новое войско вниз, за пороги, на север – в Египет.

Главарь захватчиков-гиксосов называл себя царем Салитом, но он не был царем. В лучшем случае он предводитель разбойников и преступник. Однако войско, которым он командовал, численностью все еще вдвое превышало наше и было хорошо снаряжено и свирепо.

Но мы захватили их врасплох и сразились в битве при Фивах. Нам удалось уничтожить их колесницы и перебить людей. Мы обратили их в бегство на север. На поле сражения они бросили десять тысяч трупов и две тысячи разбитых колесниц.

Однако они нанесли тяжкий ущерб и нашим доблестным войскам, поэтому мы не смогли догнать их и полностью уничтожить. С тех пор гиксосы остаются в дельте Нила.

Царь Салит, этот старый грабитель, теперь мертв. Он лишился жизни не на поле битвы от удара доброго египетского меча, как следовало бы по совести. Он умер в постели от старости, окруженный толпой безобразных жен и их отвратительных отпрысков. Среди этих отродий был и Беон, его старший сын. Этот Беон теперь называет себя царем, фараоном Верхнего и Нижнего египетских царств. На самом деле он просто разбойник и убийца, еще хуже своего отца. Мои шпионы регулярно докладывают, что Беон восстанавливает войско гиксосов, которое мы измочалили в битве при Фивах.

Эти донесения тревожат меня, ведь мы с огромным трудом находим ресурсы, чтобы восполнить потери, понесенные в той же битве. Наше окруженное сушей царство отрезано от великого Среднего моря и от торговли с другими цивилизованными странами и городами-государствами, которые богаты кожей, лесом, медью, сурьмой, оловом и прочим, из чего слагается костяк войны и чего нам недостает. Не хватает нам и людей. Нам необходимы союзники.

С другой стороны, у наших врагов, гиксосов, отличные гавани в дельте, где Нил впадает в Среднее море. В этих гаванях торговля ведется беспрепятственно и непрерывно. От своих шпионов я знаю также, что гиксосы ищут союзников среди других воинственных государств.

Мы с Атоном встретились в уединенном месте, чтобы обсудить эти трудности. Выживание Египта сейчас висело на волоске. Мы с Атоном не раз подробно все это обсуждали, но теперь готовы были представить фараону свое окончательное решение.

У царевен было на уме другое. Они видели, как Атон сложил камни бао, и посчитали это знаком, что теперь могут всецело располагать моим вниманием. Я предан обеим, но они очень требовательны. Они выбежали из лагуны, разбрызгивая воду, и наперегонки побежали ко мне. Беката еще ребенок, но быстра и решительна. Она готова почти на все, лишь бы получить то, что хочет. Она опередила Техути и, холодная и мокрая из лагуны, уселась ко мне на колени.

– Я люблю тебя, Тата, – воскликнула она, обнимая меня за шею и прижимаясь к моей щеке мокрыми рыжими волосами. – Расскажи нам историю, Тата.

Проигравшая гонку Техути вынуждена была занять не столь вожделенное положение у моих ног. Нагая, мокрая, она грациозно опустилась на землю и прижалась грудью к моим ногам, положив подбородок мне на колени и глядя мне в лицо.

– Да, пожалуйста, Тата, расскажи про маму и про то, как она была прекрасна.

– Вначале я должен поговорить с дядей Атоном, – возразил я.

– Ой. Ну, хорошо. Только недолго, – вмешалась Беката. – Это так скучно.

– Недолго, обещаю.

Я посмотрел на Атона и перешел на язык гиксосов. Мы оба бегло говорим на языке наших смертельных врагов.

Я считаю своим долгом знать неприятеля. У меня есть способности к словам и языкам. После возвращения в Фивы у меня было много лет, чтобы учиться. Атон не участвовал в исходе в Нубию. Он не любит приключений. Поэтому он остался в Египте и терпел лишения под властью гиксосов. Однако усвоил все, чему они могут научить, среди прочего их язык. Царевны не понимали ни слова на этом языке.

– Ненавижу, когда вы говорите по-варварски, – надулась Беката, и Техути поддержала ее.

– Если ты нас любишь, говори по-египетски, Таита.

Я обнял Бекату и погладил Техути по прекрасной голове. Но продолжал разговаривать с Атоном на языке, который так ненавидели девочки.

– Не обращай внимания на лепет детей. Продолжай, старый друг.

Атон спрятал улыбку и продолжал:

– Итак, мы пришли к согласию, Таита. Нам нужны союзники, нужна торговля с ними. А заодно нам нужно лишить того и другого гиксосов.

Мне хотелось ответить едко, но я уже достаточно раздосадовал его за доской бао. Поэтому я серьезно кивнул.

– Как обычно, ты выразил самую суть проблемы и сжато изложил ее. Союзники и торговля. Хорошо. Чем мы можем торговать, Атон?

– У нас есть золото из шахт в Нубии, которое мы обнаружили, когда были в изгнании за водопадами. – Атон никогда не покидал пределов Египта, но, послушаешь его – и кажется, это он вел нас в изгнание. Я про себя улыбнулся, но сохранил серьезность, когда он продолжил: – Хотя желтый металл не так ценен, как серебро, люди жаждут и его. В сокровищнице фараона его скопилось столько, что мы в состоянии купить друзей и союзников.

Я согласно кивнул, хотя знал, что богатство фараона очень преувеличивают и Атон, и те, кто не так близок к трону, как я. И продолжил гнуть свое.

– Однако не забудь и плодородный черный ил, который Мать Нил выносит на берега ежегодно во время разлива. Людям нужна еда, Атон. У критян, шумеров, у эллинских городов-государств очень мало пригодной к возделыванию земли. Они всегда ищут зерно, чтобы накормить свое население. А у нас зерна в изобилии, – напомнил я.

– Да, Таита. У нас есть зерно и есть лошади, которых можно продавать; мы выращиваем лучших в мире боевых коней. А у нас есть и кое-что другое, еще более редкое и драгоценное.

Атон деликатно примолк и посмотрел на красивых девочек, одна из которых сидела у меня на коленях, а другая жалась к ногам.

Больше ничего не требовалось добавлять. Критяне и шумеры из земель между реками Тигр и Евфрат – наши самые близкие и могущественные соседи. И те, и другие – смуглые и черноволосые. И для их правителей желанная добыча – светловолосые, белокожие женщины эгейских племен и царских домов Египта. Однако бледные, пресные эллинки не могут сравниться с нашими сверкающими нильскими драгоценностями.

Мои царевны – дочери Тана, обладателя огненно-рыжих волос, и белокожей светловолосой царицы Лостры. Красота их славится во всем мире. Посланники из дальних стран предпринимают трудные путешествия через широкие пустыни и глубокие воды к дворцу в Фивах, чтобы деликатно сообщить фараону Тамосу об интересе их хозяев к брачному и военному союзу с домом Тамоса. Присылали таких послов и шумерский царь Нимрод, и верховный правитель Крита Минос.

По моему совету, фараон радушно встретил обоих послов. Он принял прекрасные дары: серебро и дерево кедра, – которые они преподнесли. Потом благожелательно выслушал брачные предложения к обеим своим сестрам, но затем объяснил, что девочки еще слишком юны для брака, и об этом можно будет поговорить позже, когда они достигнут зрелости. Это было некоторое время назад. Но теперь обстоятельства изменились.

Когда фараон обсуждал со мной возможный союз между Египтом и Шумером или Критом, я тактично указал ему, что Крит более желателен как союзник, чем шумеры.

Прежде всего шумеры не мореходы, и, хотя они способны выставить могучее войско, оснащенное кавалерией и колесницами, у них нет сколько-нибудь заметного флота. Я напомнил фараону, что южный Египет не имеет выхода в Среднее море, а наши враги гиксосы властвуют в верхнем течении Нила. Мы стали страной, не имеющей морских гаваней.

У шумеров доступ к морю тоже ограничен, а их флот мал в сравнении с флотами других государств вроде Крита или даже мавританского народа на западе. Шумеры всегда весьма неохотно пускаются в рискованные морские плавания на тяжело груженных кораблях. Они боятся пиратов и непогоды. Сухопутный маршрут между нашими странами также изобилует множеством трудностей и препятствий.

Гиксосы господствуют на перешейке между Средним и Красным морями, связывающем Египет с Синайской пустыней на севере. Шумерам пришлось бы уйти по Синайской пустыне далеко на юг, а потом переплыть Красное море, чтобы добраться до нас. Этот маршрут ставит перед их войском многочисленные сложные задачи, среди которых главные – отсутствие воды и опасности плавания по Красному морю; все это делает подобный поход почти невозможным.

Я тогда предложил фараону, а сейчас объяснил Атону договор между Египтом и верховным правителем Крита Миносом. Верховный Минос – это титул наследственного правителя Крита, равный нашему титулу «фараон». Сказать, что этот титул выше фараона, было бы государственной изменой. Но довольно сообщить, что в критском флоте, как полагают, десять тысяч боевых и торговых галер, устроенных так искусно, что ни один корабль не может их догнать или победить.

У нас есть то, что нужно критянам – зерно, золото и невесты-красавицы. У критян есть то, что нужно нам – флот боевых кораблей, самый грозный из существующих, способный перекрыть порты гиксосов в устье Нила; этот флот может доставить шумерское войско на южные берега Среднего моря и тем самым зажать гиксосов в мощные клещи между двумя могучими войсками.

– Отличный замысел, – аплодировал мне Атон. – Если не считать одной маленькой, почти несущественной подробности, которую ты, мой старый друг Таита, упустил.

Он широко улыбался, наслаждаясь местью за то, что я разгромил его на доске для игры в бао. Я не мстителен, но тут не удержался и еще раз невинно позабавился за счет Атона. Я изобразил отчаяние.

– Ах, не говори так, прошу! Я все тщательно продумал! В чем недостаток моего плана?

– Ты опоздал. Верховный правитель Крита Минос уже заключил тайный союз с царем гиксосов Беоном.

Атон облизнул губы и радостно хлопнул себя по слоновьей ляжке. Он решительно опроверг мое предложение; так, во всяком случае, ему казалось.

– А, да! – ответил я. – Полагаю, ты имеешь в виду торговый форт для сношений критян с Беоном? Критяне основали его пять месяцев назад в Тамиате, самом северном русле Нила в дельте.

Настала очередь Атона глядеть ошеломленно.

– Как ты узнал? Откуда?

– Прошу тебя, Атон! – я умоляюще простер руки. – Ты ведь не ожидаешь, что я назову тебе свои источники?

К Атону быстро вернулось самообладание.

– Между Верховным Миносом и Беоном уже есть взаимопонимание, если не военный союз. Как бы умен ты ни был, Таита, тут ничего не поделаешь.

– А что если Беон замыслил предательство? – загадочно спросил я, и Атон уставился на меня.

– Предательство? Не понимаю, Таита. Какое здесь возможно предательство?

– Ты знаешь, сколько серебра верховный правитель Крита Минос хранит в своей новой крепости Тамиат на земле гиксосов, Атон?

– Думаю, очень много. Если Верховный Минос предлагает купить у Беона большую часть урожая следующего сезона, в его руках, должно быть, очень много серебра, – осторожно предположил Атон. – Возможно, десять, а то и двадцать лаков.

– Ты очень проницателен, мой старый друг, однако ты обрисовал лишь часть трудностей, стоящих перед Верховным Миносом. Он не рискнет посылать тяжело груженные сокровищами корабли через море в сезон бурь. Пять месяцев в году он не может посылать слитки к южным берегам Среднего моря – зимой требуется преодолеть больше пятисот лиг от острова.

Атон перебил, стараясь опровергнуть мои заключения.

– Да, истинно так! Я понимаю тебя. Получается, что все это время Верховный Минос не может торговать с государствами и народами, живущими на африканском берегу Среднего моря!

– Зимой полмира для него закрыто, – подтвердил я. – Но, если ему удастся заполучить безопасное место на египетском берегу, он защитит свой флот от зимних ветров. И весь год его корабли смогут под защитой берега вести торговлю от Месопотамии до Мавритании. – Я помолчал, давая ему возможность осознать всю грандиозность замысла Верховного Миноса, а потом безжалостно продолжил: – Двадцати лаков серебра недостаточно, чтобы оплатить хотя бы сотую его часть. Более вероятная оценка такова: чтобы всю зиму вести торговлю, он должен накопить в своей новой крепости Тамиат пятьсот лаков. Согласись, такое количество серебра любому внушит мысли о предательстве, тем более такому от природы коварному, вероломному и алчному разбойнику, как Беон?

Пятьдесят мгновений Атон молчал, пораженный грандиозностью нарисованной мной картины. Наконец он пошевелился и хрипло спросил:

– Значит, у тебя есть доказательства, что Беон в нарушение наметившегося договора с Верховным Миносом намерен захватить крепость Тамиат и забрать все сокровища Верховного Миноса? Об этом ты говоришь, Таита?

– Я не сказал, что у меня есть доказательства таких замыслов Беона. Я этого не утверждал.

Я засмеялся, видя его смущение. Это было нехорошо с моей стороны, но я не смог сдержаться. Никогда за все долгие годы нашего знакомства я не видел его таким растерянным и неспособным остроумно ответить или возразить. Потом я сжалился над ним.

– Мы оба знаем, что Беон – дикий осел, Атон. Он может править колесницей, махать мечом, натягивать лук или грабить город. Но едва ли он способен без долгих и трудных обсуждений наметить посещение отхожего места.

– Тогда кто же задумал напасть на сокровищницу Верховного Миноса? – спросил Атон. Вместо ответа я откинулся на спинку стула и улыбнулся. Он уставился на меня. Потом выражение его лица изменилось. – Ты? Не может быть, Таита! Как ты можешь помышлять ограбить Верховного Миноса, отнять у него пятьсот лаков серебра, а потом договариваться с критянами о поддержке и союзе?

– В темноте трудно отличить египтянина от гиксоса, особенно если египтянин как гиксос, владеет их оружием и говорит по-гиксосски, – заметил я, и он опять покачал головой, лишившись дара речи. А я продолжал: – Ты согласен с тем, что такое предательское нападение уничтожит любую возможность создания союза гиксосов и критян против нас?

Наконец Атон улыбнулся.

– Ты чудовищно коварен, Таита. Не могу взять в толк, почему тебе так доверяю! – И сразу полюбопытствовал: – Велик ли гарнизон критян в Тамиате?

– Сейчас в нем около двух тысяч воинов и лучников. Хотя почти сплошь наемники.

– Вот как! – На него это произвело впечатление. Он снова помолчал, потом заговорил снова: – Сколько людей тебе понадобится? Или вернее было бы спросить, сколько людей понадобилось бы Беону, чтобы осуществить свой подлый замысел?

– Достаточно, – осторожно ответил я.

Я не собирался раскрывать перед ним все свои намерения. Атон принял это и не стал настаивать. Однако задал другой уклончивый вопрос.

– Ты не оставишь в крепости живых критян? Перебьешь всех?

– Конечно, я позволю большинству уйти, – решительно возразил я. – Пусть как можно больше вернется на Крит и предупредит Верховного Миноса о предательстве царя Беона.

– А критское сокровище? – спросил Атон. – Эти пятьсот лаков серебра? Что станет с ними?

– Сундуки фараона почти пусты. Мы не можем спасти Египет без сокровищ.

– Кто возглавит набег? – продолжал допрашивать он. – Ты сам?

Я в ужасе воззрился на него.

– Ты знаешь, что я не воин, Атон. Я врач, поэт и мирный философ. Однако если фараон прикажет, я готов сопровождать отряд в роли советника начальствующего ими.

– Тогда кто поведет людей? Кратас?

– Я люблю Кратаса, и он отличный воин, но он стар, упрям, не поддается на уговоры, его не соблазняют предложения.

Я пожал плечами, и Атон рассмеялся.

– Ты прекрасно описал военачальника Кратаса, о мирный поэт. Но если не он, кого же назначит фараон?

– Вероятно, Зараса.

– Ага. Знаменитый сотник Зарас из отряда Синего Крокодила стражи фараона. Один из твоих любимчиков, Таита. Верно?

Я не обратил внимания на эту насмешку.

– У меня нет любимчиков. – Иногда даже я способен погрешить против истины. – Но Зарас просто лучше прочих подходит для такой работы, – мягко ответил я.

Когда я изложил фараону свой замысел, как опорочить царя Беона в глазах верховного правителя Крита Миноса и вбить клин между двумя государствами, потенциально самыми опасными нашими противниками – того поразила его простота.

Я испросил личную встречу с фараоном, и, конечно, он согласился на нее без условий и отговорок. Мы с ним были одни на широкой, обрамленной пальмами террасе, которая обнимала тронный зал и выходила на Нил в самой широкой его части в Южном Египте. Конечно, за Асуаном Нил раздается вширь и на территории, отнятой у нас гиксосами, течет медленнее; там Нил продолжает стремить воды на север, а затем впадает в Среднее море.

С обоих концов террасы стояли воины – они должны были помешать друзьям и врагам подсматривать за нами и подслушивать. Воинами командовали надежные военачальники, но они держались незаметно, чтобы нас с фараоном ничто не отвлекало. Мы прохаживались по мраморному полу. Только сейчас, когда мы остались одни, мне позволено ходить бок о бок с фараоном, хотя с самого его рождения я самый близкий к нему человек.

По правде сказать, именно я помог ему появиться на свет. Именно я подхватил его на руки, когда царица Лостра вытолкнула его из царской утробы, точно запустила камень пращей. И первое, что сделал царевич, – опорожнил мочевой пузырь прямо на меня. Я улыбнулся этому воспоминанию.

В тот день я стал его воспитателем и учителем. Я научил его подтираться, потом читать и писать, стрелять из лука и править боевой колесницей. У меня он учился управлять государством. И вот он вырос и превратился в прекрасного молодого человека, бесстрашного воина и умелого правителя Египта. Но мы остаемся близкими друзьями. Не побоюсь даже сказать, что фараон любит меня, как отца, которого никогда не знал, а я люблю его как сына, которого у меня никогда не было.

Теперь, слушая мои соображения, он остановился и с растущим удивлением посмотрел на меня. Когда я добрался до развязки плана, он схватил меня за плечи – а руки у него крепкие, как бронза, от постоянных упражнений с мечом, от натягивания тетивы и управления четверкой коней, запряженных в колесницу.

– Тата, старый прохвост! – крикнул он мне в лицо. – Ты никогда не перестаешь удивлять меня. Только ты мог измыслить такой чудовищный заговор. Нужно немедленно проработать твой план до мельчайших подробностей. Я помню, что терпеть не мог учить язык гиксосов; теперь бы я без этого пропал. Я не смог бы возглавить этот поход, не выдав себя за одного из наших врагов.

Потребовалось несколько часов осторожных манипуляций, чтобы убедить его, что опасно оставлять Египет без власти в такой критический момент нашей истории и что эта опасность намного перевешивает славу и иные преимущества, которые он надеется получить, успешно захватив крепость Миноса в Тамиате и хранящиеся в ней сокровища. Я возблагодарил Гора за то, что фараон еще достаточно молод, чтобы сохранить гибкость мысли, и в то же время успел приобрести некоторое здравомыслие. Я давно научился достигать своей цели незаметно для него. В конечном счете я обычно добивался, чего хотел.

По моему предложению фараон поставил во главе похода Зараса. И хотя тот молод – ему двадцать пять, чуть больше, чем самому фараону, – он уже завоевал известность, о чем свидетельствовал его чин. Я уже много раз работал с ним и знал, что слава его репутация не дутая. Важнее всего было то, что он относился ко мне с почтением.

Прежде чем отпустить меня, фараон Тамос дал мне в руки Печать царского ястреба. Ею фараон передавал всю полноту власти носителю печати. Носитель печати отвечает только перед фараоном. Под страхом смерти ни один человек не смеет усомниться в его распоряжениях или мешать ему исполнять царскую волю.

Обычно фараон вручал своему избраннику Печать ястреба на торжественной церемонии, в присутствии самых знатных и влиятельных вельмож, но я понимал, что такое щекотливое дело требует полной тайны. Его доверие ко мне заставило меня смириться с этим.

Я упал на колени и коснулся лбом земли перед ним. Но фараон наклонился и поднял меня.

– Ты меня никогда не подводил, Таита. – Он обнял меня. – Я знаю, ты и сейчас не подведешь.

Я сразу отправился на поиски Зараса и в первую очередь разъяснил ему важность нашего дела и какие возможности оно сулит ему для снискания одобрения фараона. Удачный поход откроет ему дорогу к успеху и царской милости. Он безуспешно пытался скрыть от меня свое благоговение и даже испуг.

Мы вдвоем составили список из двухсот двадцати человек, которые составят наш отряд. Вначале Зарас был непоколебимо уверен в том, что этого чересчур мало, чтобы одолеть две тысячи воинов. Но я объяснил ему особые обстоятельства, о которых не говорил ни Атону, ни даже фараону, и он безоговорочно принял мой план.

Я позволил ему самому выбирать людей. Но настоял на том, чтобы всех их объединяло одно общее качество – умение бегло говорить на языке гиксосов. Зарас был слишком мал, чтобы участвовать в исходе в Нубию, когда гиксосы захватили Южный Египет. В шестнадцать лет ему пришлось вступить в войско гиксосов. Поэтому он говорил на языке врага, как на родном, и в любых обстоятельствах мог выдать себя за гиксоса. Но он сохранил верность Египту и был среди первых, кто перешел на нашу сторону, когда фараон Тамос провел нас за пороги, разбил гиксосов в битве при Фивах, а уцелевших прогнал, повергнув их в панику и смятение, обратно на север.

Люди, которых Зарас выбрал для участия в набеге, все были хорошо обучены и вымуштрованы, в основном под началом самого Зараса. Все они были не только воинами, но и, когда не управляли боевыми колесницами, много времени проводили на речных галерах. Зарасу не требовалось дополнительно их чему-то обучать.

Я велел ему разделить воинов на небольшие отряды по пятнадцать-двадцать человек, чтобы они не привлекали внимания, уходя из Фив.

Когда я показал Печать царского ястреба начальнику охраны городских ворот, он не стал меня расспрашивать. Три ночи кряду небольшие отряды людей Зараса под покровом темноты выходили из города и устремлялись в дикую местность на востоке. Они собирались в развалинах древнего города Акиты, где я ждал их.

Я привел повозки с подлинными гиксосскими шлемами, доспехами, одеждой и оружием. Это была лишь малая часть добычи, взятой нами в битве при Фивах.

От Акиты мы прошли на восток к берегам Суэцкого залива у северного края Красного моря. Наши люди скрыли гиксосские доспехи и оружие под бедуинскими плащами.

Мы с Зарасом опередили главные силы. И ждали в маленькой рыбацкой деревушке Аль-Надас на берегу залива, где отряд догнал нас.

Зарас нанял проводника, чьими услугами пользовался раньше и которого рекомендовал. Звали проводника аль-Намджу. Этот рослый одноглазый мужчина ждал нас в Аль-Надасе.

Аль-Намджу нанял все рыбацкие лодки в деревне, чтобы перевезти нас на восточный берег. В этом месте ширина пролива – всего двадцать миль, и мы видели на противоположной стороне низкие холмы Синая.

Мы пересекли пролив ночью, при свете звезд. Высадились на восточном берегу залива у другой маленькой рыбацкой деревушки. Это была Зуба, где нас ждал один из сыновей аль-Намджу, а с ним – больше ста ослов, которым предстояло везти наше тяжелое снаряжение. Нам предстояло пройти почти двести лиг на север, чтобы добраться до Среднего моря, но люди были в отличной форме, и продвигались мы быстро.

Аль-Намджу держался восточнее Синайского полуострова, соединяющего Африку с Азией, чтобы уменьшить риск встречи с воинами гиксосов. Наконец мы подошли к скалистому южному берегу Среднего моря близ финикийского порта Ушу, примерно на середине пути между шумерской границей и той частью Северного Египта, которая еще оставалась в руках гиксосских захватчиков.

Я оставил Зараса и его людей за границами порта и пошел вперед с двумя ослами и четырьмя золотыми слитками, спрятанными в кожаных мешках с зерном; меня сопровождали четверо отборных воинов. Три дня я торговался с купцами в порту и наконец выторговал три средние галеры, вытащенные на берег ниже финикийского храма Мелькарта. Каждое из этих судов способно было взять на борт сто человек. Галеры дорого мне обошлись, в мешках с зерном осталось совсем немного золота, привезенного нами из Фив.

Я рассказал в порту, что мы наемники и плывем на восток, чтобы предложить свои услуги царю Ассирии аль-Хаттуру, осаждающему город Баррайят. Едва только люди поднялись на корабли, мы отчалили от берега. А когда вышли на глубоководье и все еще были видны из Ушу, повернули на восток и принялись грести к Ливану. Но, стоило суше исчезнуть из виду, я изменил курс и мы пошли обратно к Египту и дельте Нила.

С берега дул легкий попутный ветер. Мы подняли гроты и через равные промежутки времени освобождали гребцов на длинных веслах. Снова миновали Ушу, но двигаясь в противоположном направлении. Я держал корабли ниже линии горизонта, чтобы нас не увидели из порта.

Хотя на каждой галере было по семьдесят и больше человек, мы шли быстро, вспенивая носами кораблей белую воду. К середине второго дня до критской крепости Тамиат, по моим подсчетам, осталось меньше ста лиг.

Конечно, я плыл на головной галере вместе с Зарасом и предложил ему, поскольку Ушу остался далеко позади, приблизиться к берегу. Мне гораздо легче вести корабли и определять наше положение, когда можно руководствоваться видом суши. Наконец, когда солнце коснулось поверхности моря и за кормой начало темнеть, я показал рулевому защищенный, но пустынный залив с песчаным берегом. Мы плыли, пока кили не коснулись дна, потом люди выпрыгнули за борт и вытащили корабли на песок.

Путешествие от Фив до этого залива было долгим и изнурительным, но теперь до цели оставалось всего несколько лиг. Вечером в лагере царило заразительное волнение ожидания, обостренное теми опасениями и дурными предчувствиями, какие посещают накануне битвы даже самых храбрых.

Зарас назначил двух своих людей главными на двух других галерах. Первого звали Дилбар. Это был рослый красивый мужчина с мускулистыми сильными руками. С самой первой нашей встречи он привлек мое внимание и заслужил одобрение. Его темные глаза смотрят проницательно, на правой щеке глянцевитый шрам от удара мечом. Этот шрам нисколько не портил его красивые черты. Когда он приказывал, люди быстро и с готовностью повиновались.

Старшим на третьей галере стал коренастый мужчина с широкими плечами и бычьей шеей. Звали его Акеми. Это был жизнерадостный человек с громким голосом и заразительным смехом. Его любимым оружием был топор на длинной рукояти. Акеми подошел ко мне после того, как люди поели.

– Сиятельный Таита, – приветствовал он меня. Когда меня так назвали впервые, я возражал, говоря, что не заслужил такого обращения. Но меня не послушались, и я перестал протестовать. – Люди просят тебя оказать нам честь и спеть сегодня вечером.

У меня очень хороший голос, а лютня становится под моими пальцами божественным инструментом. И я редко нахожу в себе силы отказать в такой просьбе.

Вечером накануне битвы за Тамиат я выбрал «Плач о царице Лостре», одно из моих любимых сочинений. Все собрались вокруг меня у походного костра, и я спел им все сто пятьдесят строк. Лучшие певцы из собравшихся присоединились к хору, а все прочие подхватывали припев. Под конец мало у кого из моих слушателей глаза оставались сухими. Мои собственные слезы не умаляли силу и красоту исполнения.

С первыми лучами рассвета лагерь ожил. Люди наконец получили возможность сбросить бедуинские плащи и головные уборы и открыть мешки, в которых хранились доспехи и оружие гиксосов. Нагрудники в основном были из слоеной кожи, но шлемы бронзовые с металлическими забралами. Каждый воин вооружился мощным изогнутым луком и колчаном со стрелами с кремневыми наконечниками, с оперением из разноцветных перьев, как нравилось гиксосам. Мечи несли в ножнах на спине, так что рукоять торчала над левым плечом и за нее легко было схватиться. Бронзовые клинки были не прямые, как у обычного

египетского оружия, а изогнутые на восточный манер.

Доспехи и оружие были слишком тяжелыми, чтобы быть в них, сидя на веслах под прямым солнцем; в них было слишком жарко. Поэтому воины раздевались до набедренных повязок, а боевое снаряжение складывали на палубе между ступней под скамьи для гребли.

Большинство моих людей были легкого сложения, многие светловолосы. Я приказал им натереть бороды и кожу сажей из кухонных костров, и наконец все они стали смуглыми, как воины-гиксосы.

Когда наши набитые людьми галеры отвалили от берега и вышли из залива, я снова плыл на головном корабле вместе с Зарасом. Я стоял рядом с рулевым, который управлялся с длинным рулевым веслом на корме. У того же купца в Ушу, который продал мне корабли, я купил папирус с картой, подробно изображавшей южный берег Среднего моря между Гебелем и Вади-аль-Ниламом. Купец клялся, что вычертил ее своими руками по собственным наблюдениям. Теперь я разложил ее на палубе между ступнями и придавил углы камешками, подобранными на берегу. И почти сразу узнал некоторые особенности берега. Карта показалась мне достаточно точной.

Дважды за утро на горизонте показывались паруса других судов, но мы отходили, стараясь, чтобы расстояние между нами было побольше. Потом, когда солнце стояло прямо над головой, впередсмотрящий выкрикнул предупреждение и показал вперед. Я заслонил глаза и всмотрелся в указанном направлении. И с удивлением увидел, что поверхность моря вдоль всего горизонта рябая и белая, как будто на нас движется сильная буря. Но было не время бурь.

– Убрать паруса! – приказал я Зарасу. – Сушить весла и приготовиться отдать носовой якорь.

Бурная вода неслась к нам, и мы приготовились встретить шквал. Приближаясь, белая вода ревела.

Я крепче взялся за деревянную закраину люка перед собой и приготовился. И вот кипящая вода захлестнула наш корпус. Рев стал оглушительным, люди выкрикивали приказы и бранились, а вода билась в борта. Однако, к моему

изумлению, ветра не было. Я сразу понял, что эта буря без ветра – явление сверхъестественное. Закрыв глаза, я начал молиться великому богу Гору о защите; при этом я обеими руками цеплялся за закраину.

И тут кто-то положил руку мне на плечо и сильно встряхнул. Я услышал голос и понял, что это Зарас, но глаз не открыл. Я ждал знамения от бога. Однако Зарас продолжал трясти меня, и я все еще был жив. Я осторожно разомкнул веки. Но про себя продолжал молиться. Потом я понял, о чем толкует Зарас, и рискнул поглядеть за борт.

Море кишело большими блестящими телами, похожими на наконечник стрелы. Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, что это живые существа, каждое величиной с лошадь. Это были гигантские рыбы. Они плыли так тесно, что нижние выталкивали других на поверхность в волнах и пене. Огромный косяк уходил за горизонт.

– Тунец! – кричал мне Зарас. – Это рыба, тунец!

Верхний Египет отъединен от моря, поэтому я не имел возможности провести много времени в открытом море и тем более видеть такое кочевье. Я столько читал об этом, что должен был догадаться, в чем дело. Поняв, что мне грозит опасность показаться смешным, я открыл глаза и закричал так же громко, как Зарас:

– Конечно, это тунец! Готовь остроги!

Эти остроги я заметил как только поднялся на борт. Они лежали под скамьями гребцов. Я предположил, что ими отгоняют пиратов и разбойников, если те пытаются захватить корабль. Древка у них – в два роста высокого человека, наконечники – острейшие кремни. За наконечником проушина, к которой привязана прочная веревка из волокна кокосовой пальмы. К другому концу троса привязан большой деревянный поплавок.

Хотя приказ готовить остроги отдал я, первым схватил оружие Зарас. Он всегда предпочитал действовать собственным примером.

Он выхватил острогу из-под скамьи и побежал к борту, разматывая веревку. Запрыгнул на борт галеры, легко удерживая на плече острогу так, что

наконечник был наставлен на поток рыбы, струящийся мимо судна, как серебряная река. Рыбы смотрели на него снизу вверх огромными круглыми глазами, которые казались выпученными от ужаса.

Я видел, как Зарас подобрался и метнул острогу прямо в воду. Древко тяжелого оружия содрогнулось, когда наконечник ударил в цель, и острога ушла под поверхность: огромная рыбина, в которую он вонзился, утянула его под воду. Зарас спрыгнул на палубу и ухватил веревку, стремительно уходившую в воду; грубая веревка уже дымилась от трения о деревянный борт. На помощь Зарасу кинулись трое, ухватили канат и принялись бороться с рыбой, пытаясь подтащить ее к борту.

Еще четверо последовали примеру Зараса, схватили остроги и побежали к планшири. Вскоре у обоих бортов стояли люди, борясь с массивными рыбами, они возбужденно вопили, выкрикивали проклятия и нечленораздельные приказы друг другу.

Одну за другой рыбин вытаскивали на палубу и добивали дубинами. Прежде чем была убита и разделана последняя пойманная рыба, могучий косяк исчез в море так же внезапно и словно по волшебству, как появился.

Вечером мы вновь причалили к берегу и при свете кухонных костров пировали, поедая сочное мясо тунца, самого дорогого морского деликатеса. Люди чуть присаливали тунца. Некоторые не ждали, пока рыбу положат на угли, и ели ее сырой, кровоточащей, запивая глотком вина из мехов.

Я знал, что наутро они будут полны сил и готовы к встрече с врагом. В отличие от зерна и другой пресной еды мясо разжигает огонь в сердце воина.

Этим вечером я пел для них «Балладу о Тане и Синем Мече». Это боевой гимн Синих, и он возжег в них пламя. Все присоединились к хору, каким бы грубым ни был голос, и я увидел в их глазах огонь войны. Они были готовы к встрече с врагом.

На другое утро мы отчалили при первом свете, когда стали видны рифы в воде и безопасный путь среди них.

Чем ближе мы подходили к множеству протоков дельты Нила, тем больше я убеждался в правильности нашей позиции. Наконец на исходе дня мы проплыли мимо эстуария, с одной стороны ограниченного низким лесистым холмом, а с другой – отмелью. На холме высилась монументальная башня из глиняных кирпичей, побеленных известью. Крыша башни обвалилась, как и почти вся обращенная к морю стена сооружения. Однако осталось стоять достаточно, чтобы я узнал веху, отмечавшую проток Тамиат, вероятно, оставленную каким-то давно умершим египетским моряком.

Я подбежал к нашей единственной мачте и поднимался наверх, пока не добрался до наклонной реи косого паруса. Обхватив рею ногами, я прижался к мачте. С этого насеста суша открывалась мне в глубину, и я почти сразу заметил возведенное людьми сооружение – его крыша виднелась над верхушками деревьев. Как и веха протока, сооружение тоже было беленое. Я не сомневался, что это сторожевая башня крепости Миноса и сокровищницы, которую мы ищем. Я спустился с мачты и, как только мои ноги коснулись палубы, крикнул рулевому:

– Поднять руль! Три румба право.

Ко мне подошел Зарас.

– Да? – спросил он.

Обычно Зарас человек веселый и общительный, но в такие минуты принимает быстрые решения – и принимает стремительно.

– Да! – подтвердил я. Он холодно улыбнулся и коротким кивком рулевому подтвердил мой приказ. Мы повернули в открытое море. Две другие галеры последовали за нами. Теперь мы как будто удалялись от берега. Но, едва мы миновали второй мыс и стражи на башне критян больше не могли нас видеть, я приказал снова изменить курс. И мы двинулись прямо к болотистому лабиринту дельты.

Благодаря карте я знал, где найти безопасную стоянку. Мы сняли мачты и уложили их на палубу, шестами проталкивая галеры сквозь густые заросли папируса и тростника, пока не пришли в выбранную мной уединенную лагуну. Там нас полностью скрывала густая растительность. Мы встали на якорь на расстоянии корпуса галеры друг от друга; наши кили едва не касались ила на дне. Мы могли ходить между галерами вброд, а в самой глубокой части лагуны вода доходила нам только до подбородка.

Пока мы наблюдали, как садится солнце и восходит луна, люди пировали поджаренными ломтями тунца. Зарас незаметно переходил вброд от одной галеры к другой, выбирая восемь лучших людей. Он предупредил их, что утром, еще до восхода солнца, они должны будут сопровождать нас в разведку.

За час до рассвета мы забрались в две шлюпки, которые вели на буксире за галерами. На веслах переплыли лагуну в сторону берега, ближайшего к мысу, на котором я видел сторожевую башню критян.

Я слышал крики болотных птиц и шуршание их крыльев, когда они пролетали над нами в темноте. Когда посветлело, на фоне неба стало можно различить летящих клином птиц. Это были дикие утки и гуси, аисты, цапли, журавли с длинными шеями и вытянутыми назад ногами, ибисы, белые цапли и десятки других видов. Большими стаями поднимались они с воды, когда мы проплывали мимо. Наконец над горизонтом встало солнце, и мы увидели обширное пространство дельты. Дикое и пустынное место, не пригодное для жизни человека.

Когда мы добрались до плотной суши, нам пришлось протащить шлюпки через отмель и спрятать в тростниках. Я не знал точного плана и расположения крепости, поэтому мы еще осторожнее двигались на ощупь в густых тростниках.

Внезапно мы вышли на берег глубокого протока; разрезая заросли папируса, он шел к открытой воде Среднего моря. Ширина его составляла примерно сто пятьдесят шагов, и я понимал, что он слишком глубок, чтобы перейти его вброд. На противоположном берегу протока я видел плоскую крышу сторожевой башни, которую мы заметили накануне. Над парапетом торчали три головы в шлемах: стража совершала свой обход.

Неожиданно я услышал звук, который спутать нельзя ни с чем, – по воде шел корабль: судно приближалось к нам по протоку со стороны моря, и я попросил своих спутников соблюдать тишину. Скрипела оснастка, пели на носу моряки, ударялись о воду весла, и неожиданно из-за поворота показался огромный корабль.

Такого огромного корабля я никогда прежде не видел, но по описаниям своих шпионов понял, что это критская трирема, сразу и грузовой, и боевой корабль. С тремя палубами и тремя рядами весел.

Длинный острый нос корабля был обшит листами кованой бронзы, чтобы таранить вражеские суда. Две мачты позволяли поставить очень много парусов, хотя сейчас все паруса были свернуты и корабль шел по протоку на веслах. Очень красивый корабль изящных, чистых очертаний, с высоким транцем. Глядя на него, нетрудно было понять, почему Крит считается главной морской державой. Мы смотрели на самый быстрый и могучий корабль на всех морях. И хотя сейчас он был тяжело нагружен и сидел в воде низко, никакой иной корабль не мог бы его перегнать. Но я гадал, какой груз у него в трюмах.

Когда корабль поравнялся с тем местом, где мы лежали в зарослях, я разглядел тех, кто на нем командовал. Трое воинов высокого ранга стояли на корме в стороне от четверых моряков, управлявших рулевым веслом. Хотя их забрала скрывали лица, они казались выше и массивнее среднего египтянина. Я видел, что их юбки – из тонкой материи, а оружие любовно начищено и украшено гравировкой. Воины, не купцы.

Корабль проходил мимо, и ветер донес до нас зловоние. Я знал, что длинными веслами на верхней палубе управляют члены экипажа, воины, а не бездумные твари. По приказу капитана они могут встать с гребных скамей и схватить оружие, лежащее у их ног. И будут сражаться, как воины, и делить призовые деньги.

А вот на нижних палубах сидели прикованные к скамьям рабы. Зловоние, которое я уловил, исходило от этих несчастных, которые жили на своих скамьях. Здесь они гребли, спали, ели, испражнялись и в конце концов умирали.

Критская галера прошла мимо, и мы услышали отдаваемые там приказы. Верхний ряд весел, точно крылья серебристой чайки, замер в воздухе, но

нижние ряды продолжали окунаться в воду: корабль в последний раз повернул и направился к сверкающим белым стенам крепости, которые показались над кивающими головками папируса на берегу.

И тут произошло нечто неожиданное, к чему я был совершенно не готов. Из-за поворота протока вышел второй корабль, почти во всех отношениях такой же, как первый, и прошел мимо того места, где мы лежали. Он тоже низко сидел в воде – вез тяжелый груз.

Потом, к моему крайнему изумлению и радости, в протоке показалась третья тяжело груженная трирема. Вслед за первыми двумя она прошла мимо нас и направилась к крепости.

Я понял, в чем дело. Три месяца назад мои шпионы доносили, что три корабля, груженных сокровищами, готовы отплыть из главного критского порта Аггафер. Однако потребовалось несколько месяцев, чтобы это сообщение пришло ко мне. Тем временем отправка судов задержалась по непредвиденным обстоятельствам; самой вероятной причиной казалась плохая погода. И мои шпионы не смогли вовремя предупредить меня об этом дне.

Я думал, что доберусь до Тамиата много спустя после того, как суда прибудут, оставят свой груз и вернутся в Аггафер.

Вероятность того, что я прибуду к Тамиату в то самое время, что и конвой с сокровищами, была столь незначительна, что я мог объяснить такое совпадение только божественным вмешательством. С раннего детства я знал, что я любимец богов, особенно великого бога Гора, которому молюсь. Откуда бы иначе я при рождении получил столько талантов и достоинств? Как иначе я мог бы уцелеть среди бездны смертельных опасностей и ужасных несчастий, которые уничтожили бы более низменного человека? Как иначе я мог бы оставаться таким молодым и красивым и сохранять острый ум, когда все вокруг меня покрываются морщинами, седеют и с возрастом уходят совсем? Есть во мне что-то такое, что выделяет меня из обычных смертных.

И вот новый пример расположения и снисходительности Гора. Я шепотом поблагодарил его и поклялся при первой же возможности принести ему роскошную жертву. Потом подполз к тому месту, где лежал Зарас, и тронул его за рукав.

– Мне нужно переправиться через протоку и поближе подобраться к критской крепости, – сказал я ему.

В Египте есть две загадки, которые я никак не могу разгадать. Первая такова: хотя мы используем лошадь для перевозки грузов, а конные колесницы – наше главное оружие, почти никто из египтян не ездит верхом. Вторая: хотя мы живем на берегах могучей реки, почти никто из египтян не умеет плавать. Если спросить кого-нибудь об этом, человек пожмет плечами и ответит: «Богам не понравится такая наглость».

Я уже отмечал, что отличаюсь от большинства. Не хочу сказать, что я лучше прочих. Достаточно упомянуть, что я опытный всадник и сильный, неутомимый пловец.

Я знал, Зарас не владеет этими искусствами, хотя должен признать, что не видел человека, который превзошел бы его в управлении боевой колесницей. Поэтому я приказал принести спасательный плот, сделанный из коры пробкового дерева, чтобы Зарас мог держаться на воде. Мы оба разделись до набедренных повязок и вошли в реку. Зарас привязал меч к плоту. Я нес свой на спине. Зарас фыркал и отплевывался, как бегемот, а я плыл, как выдра, и добрался до противоположного берега, когда он был еще на середине протока.

Когда он переправился, я помог ему подняться на берег. Потом, когда он отдышался, мы поползли по тростникам к критской крепости. А когда доползли туда, откуда открывался хороший вид на крепость, я понял, почему критяне выбрали это место. Оно было самым высоким на узком известняковом гребне, который торчал из мягких наносных пород и создавал прочный фундамент крепости.

Это известняковое вкрапление разделяло протоку и образовывало вокруг крепости ров. В водоеме, образованном рекой у крепости, стояло несколько судов. В основном баржи, которые, как я предположил, критяне использовали для доставки строительных материалов. Среди их не было ни одного мореходного корабля. Исключение составляли три величественные триремы, которые раньше прошли мимо нашего укрытия.

Триремы не стали на якорь в водоеме, но причалили непосредственно к пристани под главными воротами крепости Тамиат. Ворота были открыты, и

воины в доспехах приветствовали вновь прибывших. По шлемам с перьями и золотым украшениям я понял, что тут много военачальников в высоких чинах.

Пока мы с Зарасом переплывали протоку и занимали свою нынешнюю позицию, экипаж открыл люки первой триремы, и цепь полуодетых рабов начала перетаскивать груз. Рабы работали под надзором надсмотрщиков в доспехах, с короткими мечами на поясе. У всех в руках были сыромятные бичи.

Рабы по сходням выносили на берег одинаковые деревянные ящики. Ящики, хоть и небольшие, очевидно, весили изрядно, потому что рабы пошатывались под их тяжестью. Разгрузка показалась надсмотрщикам медленной, и они принялись бранить рабов и стегать их бичами.

У нас на глазах один из рабов споткнулся, спускаясь по сходням на пристань. Он тяжело упал и уронил ящик, который нес на голове. Ящик ударился о каменную плиту и разбился.

На пристань вывалились серебряные слитки; я почувствовал, как бешено заколотилось сердце, когда свет отразился от металлических поверхностей. Бруски были небольшие, прямоугольные, не больше человеческой кисти; в ящике их лежало не менее двадцати. Содержимого одного такого ящика хватило бы, чтобы оплатить постройку большой триремы, которая пронесла серебро по Среднему морю. Сбылись все мои надежды и ожидания. Передо мной было огромное сокровище, появление которого я предвидел.

Трое надсмотрщиков окружили упавшего раба и яростно орудовали бичами, поднимая их над головой и обрушивая на потную кожу. Раб кричал, корчился и пытался закрыть голову руками. Бич прошелся по лицу и вырвал из глазницы правый глаз. Глаз повис на зрительном нерве, на щеке, раб мотал головой. Наконец он сомлел и утратил способность защищаться. Один из мучителей наклонился, схватил его за ноги, подтащил к краю пристани и сбросил в реку. Тело с плеском ударилось о воду и сразу погрузилось, исчезло под мутной поверхностью.

На пристани остальные рабы под крики надсмотрщиков и щелканье бичей возобновили работу. Снова пришла в движение цепочка полуодетых людей, сгибающихся под тяжестью груза. Работу словно и не прерывали.

Я тронул Зараса за плечо, привлекая его внимание, и мы быстро отползли поглубже в заросли. А когда надежно скрылись, я повел его вокруг дальней стены крепости на берег другого протока. Потребовался час осторожных и тщательных маневров, чтобы найти наблюдательный пункт, откуда я мог осматривать всю крепость и ее окрестности. Теперь я получил возможность лично проверить доклады своих шпионов.

Хотя стены в крепости были мощные и, возможно, вообще непреодолимые, они окружали небольшую площадь. На узком кряже места хватило только для самой сокровищницы и размещения небольшого отряда, способного отбить нападение малочисленного врага, прошедшего по протоку со стороны моря.

Но критяне, очевидно, понимали – чтобы противостоять большим силам противника, которые могут высадиться на берег и предпринять нападение на крепость, нужно гораздо больше сил, самое малое нескольких тысяч человек. Эту задачу критяне решили, соорудив плавучий мост через протоки реки, так что до крепости, находящейся посередине реки, они могли быстро добраться с обоих берегов.

С того места, где я лежал, открывался хороший вид на мост через восточный проток и на сушу за ним. Здесь критяне построили укрепленный лагерь, с бараками для большей части войска. Лагерь был обнесен оградой из заостренных кольев высотой в два человеческих роста. Я подсчитал, что в таком лагере может находиться от двух до трех тысяч воинов.

В каждом углу квадратной площадки лагеря высились сторожевые башни; я увидел, что крыши зданий за оградой покрыты толстым слоем грязи с речного берега; грязь засохла. Это была защита от огненных стрел, которые противник может пускать из-за ограды.

От ворот в выходящей на реку стене к началу плавучего моста критяне проложили дорогу, вымощенную черным кирпичом из высушенного речного ила. Там выходящие из лагеря воины были защищены от вражеских стрел.

Несколько баркасов, сцепленных друг с другом, служили понтонами для моста через реку. Поверх баркасов была проложена дорога из бревен. Мост позволял быстро перебрасывать воинов из лагеря туда, где они нужны.

– Они тщательно все спланировали, – высказал свое мнение Зарас, разглядывая крепость.

– Да, критяне больше всего славятся своей… тщательностью и предусмотрительностью, – согласился я, продолжая осматривать местность в поисках малейших изъянов. Но, сколько ни искал, нашел только одно слабое место. Плавучий мост. Но я уверился, что этого достаточно.

Я снова перенес внимание на пристань, где стояли три большие триремы. Изучил способ разгрузки корабля, не слишком удачный. Если бы мне предстояла такая работа, я бы установил над открытыми люками треножники и тали и поднимал бы ящики на палубу на соломенных тюфяках. Тут ждали бы телеги, которые перевезли бы ящики за ворота в крепость.

Рабы критян выносили каждый ящик отдельно, поднимаясь по лестнице со дна трюма на палубу. При такой системе нужно несколько дней на разгрузку каждого корабля.

Я встревожился. Пока я своими глазами не увидел то, что увидел, я не представлял себе грандиозности задачи. Одно дело рассуждать о сотнях лаков серебра в слитках, и совсем другое – справиться с физической тяжестью и объемом такого сокровища, чтобы захватить его и увезти на сотни лиг через море, горы и пустыни, уходя от рвущегося отомстить войска.

Я начал думать, что взвалил на плечи непосильную задачу. Отчаяние подсказывало мне единственное решение: если все-таки удастся захватить такой огромный груз, нужно будет вывезти его на глубокое место в Среднем море и выбросить в воду, чтобы до него не могли добраться ни царь Беон, ни Верховный Минос.

А я с уцелевшими людьми постараюсь уйти от гнева критян в безопасность Фив. Возможно, тогда удастся убедить Верховного Миноса, что преступник – царь Беон, но я в этом сомневался.

Решение пришло не сразу, я целый час пытался одолеть эту задачу, пока мы с Зарасом лежали в зарослях папируса. И вдруг меня осенило. Это был такой остроумный выход, что его красота меня ошеломила.

Сначала я решил, что все объясню Зарасу, но потом не стал затруднять его чем-то настолько простым и в то же время дьявольски сложным.

Я посмотрел на солнце. Некоторое время тому назад оно достигло зенита и уже было на полпути с неба. Я снова взглянул на три корабля с сокровищами и, кажется, улыбнулся. Я чувствовал, что Зарас внимательно наблюдает за мной. Он понял, что я что-то придумал, и с нетерпением ждал моих приказов, которые я еще не был готов ему отдать.

– Довольно! – сказал я ему. – Надо уходить.

– Куда, Таита?

– К нашим лодкам. До наступления ночи предстоит много сделать.

Солнце уже садилось, когда мы с Зарасом смогли вплавь и вброд вернуться туда, где оставили в лагуне свои маленькие лодки. Люди обрадовались, увидев нас снова. Думаю, они старались убедить себя, что нас не обнаружили и не убили враги и они не остались без старших и со скудными средствами. Они боролись за право получить мой приказ.

Первой из многих предстоящих мне трудных задач было переправить всех до единого моих тяжело вооруженных воинов, из которых почти никто не умел плавать, через глубокие речные потоки и добраться до крепости.

Для этого я выбрал самое маленькое и легкое из наших судов. Потом приказал снять с оставшихся двух кораблей все канаты и полезные вещи. Я подумывал, не сжечь ли корабли, но критяне обязательно увидели бы дым и послали воинов проверить. Поэтому я приказал прорубить днища и затопить суда в самой глубокой части лагуны.

Потом мы перегнали единственный выбранный мной корабль через лагуну и вытащили на восточный берег, ближайший к крепости. Тут мне потребовались все люди, чтобы отволочь корабль по сухой земле в речной проток. Я приказал использовать все веревки, какие мы взяли с двух затопленных кораблей, и привязать к носу оставшегося.

Сто человек взялись за веревки, киль заменил полоз, и корабль заскользил по стеблям папируса, раздавленным его тяжестью. Тем не менее, пока мы добрались до берега главного протока, нам пришлось преодолеть почти пол-лиги. Время уже подходило к полуночи, и горбатая луна высоко поднялась в небо.

На берегу я позволил людям немного отдохнуть, надеть доспехи и съесть холодный ужин. Затем, приглушив весла и забирая с собой по пятьдесят человек за раз, мы начали переправу. Когда все очутились на другой стороне, я разделил наше небольшое войско на два отряда.

Больший отряд, из ста пятидесяти человек во главе с Зарасом, я отправил через густой тростник, чтобы они как можно ближе подобрались к главным воротам крепости, оставаясь незамеченными. Здесь они должны были укрыться и ждать моего сигнала.

Прежде чем расстаться, я объяснил Зарасу свой замысел. С экипажем из пятидесяти человек я переправлюсь через проток. Моя задача – уничтожить плавучий мост, соединяющий главный вражеский лагерь с островом, где устроена сокровищница. Перед расставанием я коротко обнял Зараса и повторил приказ, чтобы избежать недопонимания.

Потом я отослал его, поднялся на борт ожидающей галеры и приказал грести. Течение было быстрое и сильное, но люди с готовностью навалились на весла, и, держа к противоположному берегу подальше от крепости, мы быстро шли вверх по течению. Вскоре показалась белая сторожевая башня крепости, освещенная луной. Это зрелище подбодрило моих гребцов, и они удвоили старания.

Мы прошли последний поворот, и перед нами лежала крепость. Триремы стояли там же, где я видел их в последний раз – у каменного причала гавани. Луна светила достаточно ярко, и я увидел, что две из них сидят в воде по-прежнему низко: груз слитков еще оставался на них. Третья трирема чуть поднялась в воде, освобожденная от большей части груза. Тем не менее я оценил оставшиеся ящики с серебром как половину первоначального их количества.

Критских часовых нигде не было видно. На борту больших кораблей ни огонька. Но в конце пристани горел костер, и по обе стороны от ведущих в крепость ворот пылали в креплениях факелы.

Я снял бронзовый шлем и положил на колени. Потом куском ярко-желтой ткани, которой обвязал горло, прикрыл нижнюю часть лица. Эта редкостная ткань называется «шелк». Она крайне редка и стоит в серебре в сотни раз больше своего веса. Ее привозят из далекой восточной земли, где ее ткут не люди, а черви. Она обладает волшебной силой. Может отвести злые чары и такие болезни, как чума и желтуха. Однако я ее использовал, просто чтобы скрыть лицо.

Черты моего лица настолько приметны, что для меня всегда велика опасность быть узнанным другом или врагом. Красота имеет свою цену. В цивилизованном мире, под которым я понимаю Египет, больше всего известно после лица фараона, вероятно, мое лицо. Снова надев шлем, я превратился в безликого человека в массе безликих людей.

Когда мы на веслах приблизились к пристани, света факелов хватило, чтобы разглядеть закутанные в попоны фигуры стражей, лежащих у костра.

Мне было ясно, что критские сотники не пожелали ночевать в тесной крепости с воинами. С наступлением темноты они с большинством своих людей переправились по мосту в удобные казармы на противоположном берегу протока. Это вполне отвечало моим целям.

Все еще держась так далеко от пристани, как позволял проток, мы неслышно прошли мимо причаленных галер и стен крепости. Я увидел впереди ряд баркасов, образующих плавучий мост через проток.

Мы продолжали грести вверх по протоку, пока я не решил, что мы по меньшей мере на четыреста локтей выше моста по течению. Тогда я повернул нашу галеру и направил ее нос прямо в центр длинного узкого плавучего моста. Тихо приказал гребцам «суши весла» и позволил течению нести нас к центру моста.

В последний миг я поднял шлем; мы повернули боком к мосту и остановились, прижавшись к нему правым бортом.

Мои люди были к этому готовы. По три человека спрыгнули с носа и кормы и прижали лодку к мосту. Остальные, вооруженные топорами и мечами, выбрались через борт на мост. Не дожидаясь приказов, они начали рубить веревки, связывавшие баркасы.

Удары несомненно донеслись до лагеря на дальнем берегу, потому что почти сразу барабаны критян забили тревогу. В лагере начался ад: десятники выкрикивали приказы, звенело, ударяясь о щиты, оружие; весь этот шум и барабанный бой доносились до нас. Потом зажгли факелы, и их огонь отразился в полированном металле щитов и нагрудников.

По дороге, ведущей от ограды лагеря к началу моста, двинулась длинная колонна пехоты. По четыре в ряд критяне бежали по узкому мосту, который начал раскачиваться под ударами окованных сандалий.

Передний их ряд быстро приближался к тем, кто разрушал мост; мои люди были хорошо видны при свете факелов. А канаты, крепившие баркасы, не поддавались ударам топоров. Когда их разделяло всего пятьдесят шагов, я услышал, как один из офицеров, возглавлявших нападение, выкрикнул приказ. Языка я не знал, но смысл приказа был ясен.

Не переставая бежать по дороге, передовые критяне-пехотинцы подались корпусом назад и послали вперед целую тучу копий. Тяжелые метательные снаряды падали вокруг моих людей, а те продолжали рубить тросы, связывавшие понтоны. Я видел, как одного из них копье ударило в спину и пробило насквозь, так что наконечник на добрых два локтя высунулся из груди. Воин упал с лодки, и черная вода увлекла его. Никто из его товарищей даже не оглянулся. Они угрюмо рубили топорами конопляные веревки, связывавшие баркасы.

Я услышал резкий щелчок лопнувшей веревки, потом скрип трущихся друг о друга бортов: это рвалось все больше веревок.

И вот мост был разрублен. Но две разделенные половины еще держались вместе: между ним стояла наша галера. Я услышал собственный дикий крик: я приказывал вернуться на борт. Конечно, меня беспокоила не собственная безопасность. Мне хотелось спасти своих парней.

Поток одетых в броню критян беспрепятственно приближался. Воины двигались на нас единым строем, они воинственно кричали и бросали копья. Мои люди прыгали на нашу маленькую галеру и пригибались, когда копья ударяли в бревна борта.

Я кричал, приказывая разрубить канаты, удерживавшие наш корабль у середины моста. Но в громе битвы мои приказы не были слышны. Меня не слышали. Я взял топор у одного из своих людей, лежавшего в воде на палубе, и кинулся на нос.

По мосту ко мне бежал критянин. Мы оказались у носа одновременно. Он бросил копье и пытался выхватить меч, который как будто застрял в ножнах. Но когда мы встретились, меч высвободился.

Я видел, что противник улыбается под шлемом. Он считал, что я в его руках и он убьет меня. Он занес меч, готовясь ударить меня в грудь, но я приметил движение его глаз, указывавшее на его намерения, и потому смог предвидеть удар. Я изогнулся, и острие меча прошло у меня под мышкой. А я ухватил противника за локоть.

Теперь он отпрянул, стараясь вырваться, но настил под ним дрогнул, и он потерял равновесие. В этот критический момент я выпустил его руку. Он не был готов к этому и откинулся назад, протянув ко мне обе руки, словно пытался удержаться на ногах.

Я взмахнул топором, целясь в единственную часть его тела, не прикрытую металлом, – в правое запястье. Я тоже с трудом удерживал равновесие на качающемся судне, поэтому удар оставлял желать лучшего. Отсечь кисть, как я хотел, не удалось. Но я прорубил запястье до кости. И услышал, как щелкнули разрубленные сухожилия. Пальцы критянина невольно разжались, меч выпал и с грохотом ударился о доски моста. Воин шарахнулся и столкнулся со стоявшим за ним товарищем. Цепляясь друг за друга, они перевалились через край моста и с плеском упали в воду. Тяжесть доспехов сразу утянула их под поверхность.

Топор по-прежнему был у меня в руках, а передо мной оказались две веревки, крепившие наш корабль к плавучему мосту и натянутые так сильно, что с них стекала выжатая вода. Я занес топор над головой и опустил его на более толстую веревку, вложив в удар всю свою силу и весь вес. Веревка лопнула, щелкнув, как натянутая тетива. Вся тяжесть судна легла на вторую веревку, и галера накренилась. Я снова взмахнул топором и разрубил и этот канат; его концы отлетели, извиваясь и расплетаясь в воздухе. Тяжесть с носа нашей галеры была снята, он резко поднялся, и мы развернулись поперек течения.

Для моста последствия оказались гораздо более драматичными. Обе его части были по-прежнему надежно привязаны к береговым креплениям. Но в середине они разъединились, и течение начало быстро их разносить. Я видел, как критяне срывались в воду с качающегося и дико подпрыгивающего у них под ногами моста.

Эта меняющаяся тяжесть еще пуще раскачивала плывущие баркасы. Люди в тяжелых доспехах теряли равновесие, безумная зыбь сталкивала их друг с другом и швыряла в воду.

Я с ужасом увидел, как один из баркасов перевернулся и сбросил в воду десятки людей. Через несколько минут почти все критяне барахтались в темной воде; люди тонули, как крысы в колодце.

Происходящее было тем более трагичным, что это не были наши враги; весь этот разор я подготовил сознательно, чтобы они стали нашими союзниками. Утешало меня лишь одно – я делал это ради Египта и фараона. Последствия моих действий приводили меня в ужас.

Огромным усилием воли я прогнал чувство вины и угрызения совести. Я знал, что сделанного не воротишь, и пытался забыть о тонущих и думать о своих людях, о наших потерях. Я заставил себя отвернуться и пройти туда, где перерубил веревку, привязывавшую нашу галеру. Я кричал на наших воинов, срывая на них свой гнев. Приказывал им браться за весла, толкал их на гребные скамьи и бил тех, кто недоуменно оглядывался.

И вот в моих руках снова рулевое весло, и люди начинают грести слаженно. Я развернул руль и повел галеру назад к каменной пристани под главными воротами крепости, где стояли корабли с сокровищами.

Едва нос нашего корабля коснулся камней пристани, я спрыгнул; меня встретил Зарас с мечом в руке, он тяжело дышал, но на губах его блуждала безумная улыбка.

– Мы захватили все три корабля с сокровищами, и даже крепость наша! – сказал он, показывая окровавленным клинком на широко распахнутые ворота крепости. – Шум, который вы подняли на плавучем мосту, отлично отвлек

критян. Мы сняли стражу ворот – воины следили за вашим представлением, даже не подозревая о нашем существовании. Не думаю, чтобы кто-нибудь из них сбежал, но и так далеко они бы не ушли. – Он замолчал, чтобы отдышаться, потом спросил: – Что с мостом, Таита?

Я с удовольствием отметил, что даже в пылу битвы он не забывает говорить по-гиксосски.

– Мост разведен, половина врагов упала в воду и утонула, – коротко ответил я и повернулся к Акеми, который подбежал, увидев, что я сошел на берег. – Принимай командование этой галерой и оставь у себя дюжину людей, чтобы грести. – Я показал на множество небольших лодок без экипажей, стоящих в водоеме, образованном разлившейся рекой. – Бери с собой факелы и горшки с углями и сожги эти лодки, чтобы критяне не могли на них перевозить своих воинов и напасть на нас сегодня вечером.

– Слушаюсь, сиятельный, – ответил Акеми.

– Оставь только самые большие лодки, – продолжал я. – Вон тот большое парусное судно в конце линии. Его не сжигай. Приведи с собой; мы оставим его привязанным у пристани, когда уйдем.

Зарас и Акеми искоса посмотрели на меня, но усомниться в моем приказе решился Зарас.

– Оставить его критянам? Зачем?

– Затем, чтобы старшие критские военачальники смогли вернуться на Крит и доложить своему царю о предательстве гиксосских союзников. Даже могучий Верховный Минос Критский не сможет спокойно отнестись к утрате пятисот лаков серебра. Узнав о ней, он потребует крови царя Беона.

Я остался на пристани и смотрел, как Акеми и его экипаж отчаливают и уходят в водоем на реке. Как он переводит четверых своих людей на большое судно. Они поставили стаксель и привели судно к пристани, туда, где стоял я.

В водоеме Акеми стоял на носу своей маленькой галеры. Его люди гребли вдоль ряда лодок, а Акеми, проплывая мимо, бросал в каждую горящий факел. Я был удовлетворен, только когда запылали все лодки. Тогда я обернулся и увидел смущенного Зараса.

– Возьми с собой своих людей и иди за мной, – сказал я и побежал по каменной пристани туда, где стояла ближайшая критская трирема. – Я хочу, чтобы ты принял командование этим кораблем, Зарас. Но я поплыву с тобой.

– Конечно, господин, – ответил он. – Мои люди уже на борту.

– Командовать этой будет Дилмар. – Я показал на вторую трирему. – Акеми примет третий критский корабль с сокровищами.

– Как прикажешь, господин.

Похоже, Зарас возвысил меня от просто Таиты до господина. Но он был достаточно близко знаком со мной, чтобы задавать дерзкие вопросы. И один такой задал немедленно.

– Выйдя в открытое море, куда мы поплывем? На восток в Шумер или на запад к побережью Мавритании? – Потом он даже снизошел до того, чтобы дать мне небольшой отеческий совет: – В обеих этих странах у нас есть союзники. На востоке царь Нимрод, правитель Двуречья. На западе наш союзник царь Шан Даки из Анфы в Мавритании. К кому из них мы поплывем, Таита?

Я ответил не сразу, а сначала спросил сам:

– Скажи мне, Зарас, какому царю или правителю в целом свете ты доверил бы сокровище в пятьсот лаков серебра?

Зарас казался озадаченным. Об этом он не думал.

– Возможно… нет, точно не Шан Даки. Его люди корсары, а сам он царь воров.

– А как насчет Нимрода? – спросил я. – Не уверен, что доверил бы ему слиток серебра больше моего пальца.

– Но кому-то придется довериться, – возразил он, – иначе нужно будет найти пустынный берег и закопать серебро, чтобы потом вернуться за ним.

– Пятьсот лаков! – напомнил я. – Потребуется год, чтобы вырыть достаточно глубокую яму, и гора земли, чтобы засыпать ее. – Я наслаждался его замешательством. – Ветер нам благоприятствует! – Я посмотрел на минойский знак – золотого критского быка, – по-прежнему развевавшийся на мачте триремы, отданной Зарасу. – А боги всегда благосклонны к смелым и отважным.

– Но, Таита, – возразил он. – Ветер нам вовсе не благоприятствует. Он дует с моря, прямо вверх по протоку. Прижимает нас к суше. Потребуются все весла, чтобы выйти в открытые воды Среднего моря. Если ты не доверяешь ни Шан Даки, ни Нимроду, кому тогда ты доверяешь? К кому мы повернем?

– Я доверяю только фараону Тамосу, – ответил я, и он впервые показал, что недоволен мной.

– Значит, ты задумал вернуться к фараону той же дорогой, которой мы пришли сюда? И мы потащим серебро на голове от Ушу через Синайскую пустыню и переплывем с ним Красное море? А оттуда быстро дойдем до Фив. Фараон удивится, увидев тебя, не сомневаюсь, – насмешливо сказал он.

– Нет, Зарас, – снисходительно улыбнулся я. – Отсюда мы поплывем вниз по Нилу. Мы приведем все три эти критские чудовища прямо в Фивы.

– Ты сошел с ума, Таита? – Он перестал смеяться. – Каждый локоть Нила отсюда до Асуана принадлежит Беону. Мы не можем проплыть триста миль через орды гиксосов. Это настоящее безумие.

От волнения он перешел с языка гиксосов на египетский.

– Если и дальше будешь говорить по-гиксосски, возможно все, – укорил я. – Все равно два своих корабля мы затопили, и я намерен перед выходом из Тамиата сжечь и третий, чтобы не оставить никаких указаний на то, кто мы такие на самом деле.

– Во имя великой матери Осириса и ее возлюбленного сына Гора, ты, по-моему, веришь в то, что говоришь, Таита. – Он снова заулыбался. – И задумал сделать меня таким же безумцем с пеной на губах, как ты сам, тогда в своем безумии я бы с тобой согласился. Я прав?

– В битве безумие становится здравым смыслом. Это единственный способ выжить. Следуй за мной, Зарас, и я приведу тебя домой.

Я начал подниматься по сходням на палубу триремы. Передо мной были двадцать человек Зараса. Я видел, что в их руках уже весь большой корабль и все, кто на нем. На палубе стояли на коленях мореходы-критяне со склоненными головами и заломленными за спину руками; у большинства их были свежие раны. Моряков было всего шестеро. Люди Зараса стояли над ними с поднятыми мечами.

– Молодцы, ребята, – поблагодарил я их и снова повернулся к Зарасу. – Пусть твои люди заберут у пленных доспехи и оружие, а их самих под охраной отведут на берег.

Пока он отдавал приказы, я по трапу поднялся на верхнюю гребную палубу. Там скамьи для гребцов были пусты, длинные весла подняты. Но я мог усадить за них своих пятьдесят человек. Не останавливаясь, я ступил на следующий трап, который вел на нижние палубы, где содержали рабов. В лицо мне ударило зловоние, такое сильное, что я едва не закашлялся, но продолжал спускаться.

В креплениях на потолке горели дымные масляные лампы, дававшие совсем немного света. Он позволил разглядеть ряды почти голых людей, которые сидели на гребных скамьях или спали, положив головы на длинные весла перед собой. Те, кто не спал, без интереса смотрели на меня пустыми глазами. Когда они шевелились, звенели цепи на их лодыжках.

Я думал, не произнести ли перед ними небольшую речь, возможно, обещая свободу, когда мы достигнем Фив, если они будут грести сильно и долго. Но сразу отказался от этой мысли, поняв, что они лишь отчасти люди. Долгая тяжкая работа и жестокое обращение низвели их почти на уровень животных. Мои добрые слова для них ничего не будут значить. Единственное, что они еще понимают, это хлыст.

Пригнув голову, чтобы не удариться о низкую верхнюю палубу, я прошел между рядами скамей к двери, которая должна была вести в грузовой трюм. На двери висел тяжелый медный замок. Зарас шел за мной. Я отступил, позволяя ему мечом вскрыть замок и пинком распахнуть дверь.

Заходя в просторный грузовой трюм, я снял лампу с крепления и высоко поднял ее над головой. От палубы до палубы были навалены ящики с серебряными слитками. Но посреди этой груды зияла дыра. Я быстро оценил количество драгоценных ящиков, которые критяне успели снести на берег. Не меньше сотни.

У меня мелькнула мысль оставить эту меньшую часть сокровища и уплыть с тем, что у нас на борту, но я тут же отказался от нее.

Боги улыбаются, Таита, так пользуйся этим, пока они не нахмурились снова, сказал я себе и повернулся к Зарасу.

– Идем. Возьми столько людей, сколько сможешь освободить от работы.

– Куда мы пойдем?

Я показал на пустое пространство в груде ящиков.

– В крепость, искать, где критяне спрятали недостающие ящики. Только на этом корабле достаточно серебра, чтобы снарядить и отвести на поле боя целое войско. Нельзя, чтобы это серебро попало в руки Беона.

Мы вернулись на палубу, затем Зарас вместе со мной спустился на пристань. За нами шли десять наших людей, ведя с собой пленных критских моряков. Моряков раздели донага. За воротами мы нашли Дилбара и тридцать его людей; они стерегли воинов и рабов, захваченных в крепости.

Я приказал Дилбару раздеть и этих пленных. Нужно было собрать все доспехи и все оружие критян, какое только удастся найти. У всех минойских военачальников были ожерелья, кольца, серебряные браслеты на руках и ногах, золото и драгоценные камни.

– Отнимите все это у пленных, – приказал я Дилбару. Потом выбрал из груды два самых красивых украшения и спрятал в свою кожаную сумку. Как все женщины, мои царевны любят броские блестящие безделушки.

Потом я занялся захваченными рабами, которые равнодушно стояли в цепях. Я сразу увидел, что это разношерстный сброд и там даже есть ливийцы, хурриты и шумеры, но большинство были египтянами. Скорей всего, их захватили гиксосы и передали критянам, чтобы помочь тем построить крепость. Я выбрал одного из них, с умным лицом, который еще как будто не отдался отчаянию безраздельно.

– Отведи этого в соседнее помещение, – приказал я Дилбару. Тот схватил египтянина и отвел в караульное помещение крепости. Тут я велел Дилбару выйти. Когда он ушел, я некоторое время смотрел на раба. Его лицо выражало покорность, но в глазах я заметил дерзость, которую он пытался скрыть.

Хорошо, подумал я. Он еще человек.

Я заговорил с ним на нашем родном языке.

– Ты египтянин. – Он посмотрел на меня, и я увидел, что он меня понял. – Какого отряда? – спросил я, но он пожал плечами, притворяясь, что не понял. И уставился себе под ноги. – Посмотри на меня! – приказал я, снял свой бронзовый шлем и размотал шелковую ткань, скрывавшую нижнюю половину лица. – Посмотри! – повторил я.

Он поднял голову и удивленно поглядел на меня.

– Кто я? – спросил я у него.

– Ты Таита. В детстве я видел тебя в Луксоре в храме Хатор. Отец сказал мне, что ты один из величайших ныне живущих египтян, – благоговейно прошептал он и бросился к моим ногам. Меня тронуло это проявление почтения, но я продолжал строгим голосом:

– Да, воин, я Таита. А кто ты?

– Рохим из двадцать шестого отряда колесничих. Свиньи-гиксосы взяли меня в плен пять лет назад.

– Хочешь вернуться со мной в наш Египет? – спросил я, и он улыбнулся. У него не хватало верхних зубов, и лицо было в синяках. Его избивали, но он остался египетским воином и дал прямой ответ:

– Я твой до смерти!

– Куда критяне сложили ящики, которые вчера заставили вас разгружать?

– В кладовую у подножия лестницы, но дверь туда заперта.

– У кого ключ?

– У толстяка в зеленом кушаке. Он главный над рабами.

Я видел этого человека на коленях среди других пленных.

– А ключ от твоих цепей тоже у него, Рохим? Тебе он понадобится, ибо отныне ты свободный человек.

Он улыбнулся.

– Все ключи он держит на цепи на поясе. И прячет под кушаком.

От Рохима я узнал, что почти восемьдесят рабов в крепости – пленные египетские лучники и колесничие. Когда мы сняли с них цепи, они энергично принялись носить ящики с серебром из крепости обратно и складывать их в трюм триремы Зараса.

Пока перетаскивали серебро, Рохим отвел меня в оружейную. Когда мы взломали дверь, я обрадовался, увидев запасенные здесь доспехи и оружие.

Я приказал перенести все это имущество на корабли и сложить на верхней гребной палубе, где до него легко будет добраться.

Наконец мы заперли пленных критян в их собственных бараках для рабов и поднялись на ждущие нас триремы.

Всех наших людей я разместил поровну на трех кораблях, так что на всех гребных скамьях был полный набор. По моему приказу рабов, все еще закованных в цепи на нижней палубе, накормили хлебом, сухой рыбой и пивом: все это мы нашли в кладовой крепости. Жалко было смотреть, как они набивают рты, запихивая в них пищу мозолистыми руками, почерневшими и покрытыми их собственными высохшими экскрементами. Они глотали пиво, пока их ссохшиеся животы не отказались его принимать. Некоторых рвало в трюмную воду, прямо на ноги. Но еда и мягкое обращение оживили их. Я знал, что они будут хорошо мне служить.

Когда небо на востоке осветилось, мы были готовы к отплытию. Я занял свое место на носу головной триремы рядом с Зарасом. Гиксосский шлем стоял у моих ног, а нижнюю часть лица по-прежнему закрывала шелковая ткань.

Зарас приказал отчаливать, и на гребных палубах загремели барабаны. В такт их ударам поднялись, опустились в воду и снова поднялись длинные весла. Я передал приказ людям у рулевого весла, и мы повернули в главный проток реки. Вслед за нами тот же маневр проделали две другие триремы. И кильватерной колонной мы двинулись на юг к столице гиксосов и двум сотням лиг по вражеской территории.

Дым, клубившийся над еще горевшими лодками, затянул реку густой пеленой, которая время от времени закрывала критский лагерь на противоположном берегу. Но, когда порыв северного ветра на мгновение раздернул эту завесу, я увидел, что не только мой экипаж удивился, когда мы направились на юг.

Воины из критского лагеря, уцелевшие после разрушения плавучего моста, в полном боевом облачении выстроились на берегу. Командовавшие ими сотники и десятники выбрали место, где берег был близок к судоходному протоку. У самого края воды стояли лучники. Они были готовы к тому, что мы устремимся на север, в открытое море. Луки у них были натянуты, стрелы наложены на тетиву и готовы к полету.

Четверо из старших военачальников, с самыми высокими плюмажами на шлемах, обильнее прочих увешавшие грудь и плечи сверкающими украшениями, были верхом. Они сидели на конях за цепью лучников, готовясь направлять стрельбу, когда мы начнем пробиваться к Среднему морю.

Когда мы повернули на юг и пошли против течения, они не сумели скрыть изумление. И не отреагировали сразу. Только когда трирема Дилбара повернула вслед за нами, они начали действовать. При виде третьей триремы, замыкавшей нашу эскадру, сотники на берегу яростно закричали, отдавая приказы. Они отчетливо доносились ко мне через воду, и я засмеялся, глядя, как они разворачивают лошадей на берегу в тщетной попытке догнать нас.

Критские лучники нарушили ряды и нестройной толпой побежали за старшими, но, когда мы стали неудержимо уходить от них, все остановились. Подняли луки и по высокой дуге посылали нам вслед залп за залпом. Однако стрелы не долетали и падали в воду за кормой корабля Акеми.

Конники не хотели отказаться от погони. Стегая лошадей, они гнали их по буксирной тропе вдоль берега, надеясь догнать нашу флотилию. А когда догнали трирему Акеми, обнажили мечи. Встали в стременах, выкрикивая оскорбления и вызовы людям Акеми.

Акеми получил от меня строгий приказ не стрелять в критян. Хотя те представляли легкую цель для тех, кто стоял на верхней палубе триремы, Акеми и его лучники не обращали на них внимания. Это как будто бы еще пуще разъярило критян. Они поскакали дальше по буксирной тропе, обогнали корабль Акеми и поравнялись с триремой Дилбара. И наконец оказались на одном уровне с тем местом, где на борту первой триремы стоял я.

Следуя моему приказу, наши люди не пытались скрываться. Продолжая мчаться по тропе параллельно нашему кораблю, четверка критских военачальников получила возможность рассмотреть подлинные гиксосские доспехи и оружие с расстояния меньше ста шагов.

К этому времени они преследовали нас уже около трех лиг, и их лошади начали быстро уставать. Береговой ветер усилился, подгоняя нас, и мы стали быстро уходить от них на юг. Буксирную тропу сменило болото. Копыта лошадей поднимали тучи черной грязи, и бедные животные опускались на колени.

Сотникам пришлось прекратить преследование. Они остановили лошадей и обреченно смотрели, как мы быстро уходим от них.

Я был очень доволен тем, как все обернулось. Критяне видели все, что я хотел им показать: три корабля, захваченные пиратами-гиксосами, уходят с пятьюстами лаками серебра Верховного Миноса вниз по реке на юг, в столицу царя Беона Мемфис.

Пришла пора преобразиться для очередной роли. Я приказал принести на палубу критские доспехи и вооружение, захваченные нами в крепости. Наши люди со смехом и шутками сняли гиксосскую одежду и оружие и заменили их полными великолепными критскими доспехами – от позолоченных шлемов и мечей с гравировкой до сапог из мягкой кожи, с голенищами по колено.

Дилбар и Акеми получили строгий приказ не позволять своим людям бросать уже не нужную гиксосскую одежду в реку. Если ее выбросит течением на берег и ее найдут воины Миноса в Тамиате, мой обман будет раскрыт.

Критянам не понадобится ломать голову, чтобы понять, как мы их провели. Поэтому все гиксосское снаряжение я приказал увязать в тюки и надежно спрятать под палубой.

Ветер дул нам в спину, наполняя паруса, весла поднимались и опускались, и мы стремительно продвигались на юг. Триремы Миноса – самые большие и быстрые в мире корабли. Несмотря на множество людей на борту и тяжелый груз серебра, скорость трирем будоражила. К этому прибавлялось радостное сознание того, что мы направляемся домой. Поэтому у всех было прекрасное настроение.

Когда мы оставили позади дельту с ее мириадами протоков и вошли в основное русло, флотилия приняла кильватерный строй и понеслась на юг. Экипажи перекликались с одной триремы на другую, дружески поддразнивая друг друга.

Мы миновали стоящие на якоре рыбачьи лодки, обгоняя другие небольшие суда, везущие сельскохозяйственную продукцию и разные товары. Я смотрел на них с высоты верхней палубы. В экипажах, которые изумленно глазели на нас, было мало египетских лиц, большинство составляли гиксосы.

Мне легко было различать эти расы. Египтяне – красивые люди с живыми, умными лицами, с высокими лбами, большими, широко расставленными глазами и тонкими чертами. Короче, с первого взгляда видно: это высшая раса.

С другой стороны, у гиксосов таких особенностей очень мало. Я ни в коем случае не предубежден против них. Однако у меня есть все причины презирать их, глубоко и горько ненавидеть. Они воры и разбойники, все без изъятия. Они наслаждаются жестокостью и пытками. Их грубый гортанный язык оскорбляет слух цивилизованного человека. Они поклоняются Сету, самому низменному из богов. Они отняли нашу землю и поработили наш народ.

Но я не фанатик. И ненавижу фанатиков. Я отчаянно пытался найти нечто похвальное в национальном характере гиксосов. Все боги знают: не моя вина, что я ничего не нашел.

Пока я смотрел на представителей этой несчастной расы, мне пришло в голову, что когда-нибудь потом нужно будет выразить свое неодобрение более определенным и недвусмысленным образом. Сделать нечто такое, что даже царь Беон сочтет вполне заслуженным.

Поистине это счастливый день для всех египтян, думал я. Я улыбнулся, и тут у меня явилась мысль. Зачем ждать? Весь план возник у меня почти полностью завершенным, его рождение заняло считанные мгновения.

В капитанской каюте на нижней палубе я видел много папирусных свитков и табличек для письма. Критяне – грамотный народ. Они используют разновидность клинописи, похожую на шумерскую. Я мог читать и распознавать эти символы, хотя должен признаться, что тогда не владел разговорным минойским языком.

Как и следовало ожидать, гиксосы были поголовно безграмотны. Однако через своих шпионов я знал, что они захватили и превратили в рабов египетских писцов, которых заставляли читать, писать и переводить для них наши иероглифы.

От тех же шпионов я знал, что гиксосы научились использовать наших птиц, чтобы быстро пересылать сообщения на большие расстояния. Как обезьяны,

гиксосы умеют подражать; хотя они редко способны выйти из затруднения с помощью собственных мыслей, использовать плоды чужой изобретательности умеют.

Я коротко распрощался с Зарасом и спустился в каюту под главной палубой. Принадлежности для письма лежали там, где я их видел, в красивой шкатулке с миниатюрным изображением бога письма Тота с головой ибиса.

Я сел на палубу, поджав ноги, и открыл шкатулку. К своей радости, я обнаружил, что помимо свитков папируса разной длины и формы и собрания кистей и чернильных палочек в шкатулке лежали также четыре миниатюрных кокона с мой ноготь величиной, искусно сплетенных из конского волоса. Такой кокон можно привязать к лапке обычного голубя из тех, что мы разводим в пищу. Эти птицы наделены странной способностью возвращаться в голубятню, где вылупились из яйца, и при этом невольно приносить с собой сообщение, прикрепленное к лапке.

Я быстро выбрал маленький листок папируса, способный уместиться в коконе. Затем выбрал самую тонкую кисть для письма и развел свежие чернила.

Думать над сообщением не потребовалось: оно целиком уже сложилось у меня в голове. При необходимости я способен писать не просто крошечные и тесно расположенные иероглифы, но также легко различимые и читаемые, потому что я владею искусством письма.

«Великому Беону, фараону Верхнего и Нижнего Египта, – начал я с обычного перечисления титулов. Конечно, на эти титулы он не имеет права, но именно их больше всего жаждет. – Я, верховный правитель Крита Минос, приветствую тебя. В знак моей дружбы и расположения шлю твоей милости три больших корабля, груженных данью. Они выйдут из моей крепости Тамиат в устье Нила во второй день месяца эпифи. Думаю, на пятый день того же месяца они достигнут твоего дворца в Мемфисе. Я до последнего часа задерживал это сообщение, дабы оно не попало в руки злых людей, прежде чем удостоится твоего внимания. Я верю, что ты примешь эти дары в духе той же дружбы и уважения, с какими они посланы».

Едва только чернила высохли, я старательно свернул папирус и уложил в кокон. Запечатал свиток клеем из камеди. Потом вышел из каюты, спустился на

нижнюю палубу и прошел к входу в кладовую.

Грубо взломанный Зарасом замок так и не починили. Он легко открылся под моей рукой. Я затворил за собой дверь. Ящик, который я открыл, чтобы осмотреть его содержимое, стоял отдельно. Крышка его была закрыта не прочно. Я вскрыл ее своим кинжалом – частью моей одежды критянина. Потом наклонился и взял один серебряный слиток. Тяжелый, но я уложил его в сумку у себя на поясе. Потом вернулся на верхнюю палубу и занял место рядом с Зарасом. Говорил я с ним негромко, чтобы не услышал никто из экипажа.

– Через час мы достигнем речного порта Кунтус, где Беон держит таможенный пост, чтобы собирать дань с проходящих судов…

Зарас со смехом перебил:

– Это неважно, господин Таита. Нас там не задержат. Я смету их, как москитов…

– Нет, Зарас. Ты прикажешь сушить весла и убрать паруса, чтобы к нам подошла лодка таможенников. Когда она подойдет, ты окажешь таможенникам уважение. Я поговорю со сборщиком податей, потому что мне нужно его содействие.

И я отошел к борту, прежде чем он смог задать мне вопрос. На самом деле я сам не был уверен в том, что нас ждет, когда мы доберемся до Кунтуса.

Мы шли по реке, захватывая другие корабли врасплох. Наши триремы были самыми быстроходными на Ниле. Даже всадник не смог бы обогнать нас и предупредить о нашем появлении. Другие лодки, завидев нас, тут же отворачивали и либо утыкались в берег, либо спускали паруса и брали к северу, позволяя течению унести их с нашего пути. Они не знали, кто мы такие. Но, когда над всем миром нависли облака дыма, чреватые войной, разумный человек не рискует.

Мы прошли еще один широкий речной поворот, и я увидел впереди на восточном берегу перед нами порт Кунтус. Я узнал его по высокой каменной сторожевой башне на холме над городом. На верху башни на длинном шесте висел большой черный флаг, эмблема сборщика податей. Я знал, что на башне стоят люди и следят, чтобы ни один корабль не прошел мимо, не заплатив подати.

Когда мы приблизились к порту, от каменного причала отошла фелука, тоже с черным флагом, и направилась наперерез нам. Я приказал Зарасу убрать паруса и тормозить веслами, чтобы фелука смогла подойти. На ее открытой палубе было несколько вооруженных гиксосов. Зарас перегнулся через борт и коротко поговорил с одним из них, который сказал, что его зовут Гралл и он главный сборщик налогов в этой провинции.

Я с огромным облегчением услышал, что разговор ведется по-гиксосски. Если бы этот Гралл обратился к нам на минойском, было бы очень трудно объяснить, почему никто не говорит на нем на борту минойского корабля. Я дал себе слово изучить этот язык. Зная свои способности к чужим языкам, я не сомневался, что через несколько месяцев смогу сойти за коренного жителя Крита.

Гралл с борта фелуки именем царя Беона потребовал разрешения взойти на наш корабль. Зарас, как я его и наставлял, не стал возражать, но немедленно спустил веревочную лестницу, чтобы Гралл смог подняться. Это был маленький жилистый человек, и по лестнице он вскарабкался с проворством обезьяны.

– Ты хозяин корабля? – спросил он у Зараса. – Мой долг узнать, что за товар ты везешь.

– Конечно, господин, – согласился Зарас. – Но позволь сначала пригласить тебя в мою каюту на стакан превосходного критского вина, а потом сделай все, что положено.

Он дружески взял маленького человека за руку и провел по трапу к каюте капитана.

До тех пор я держался в тени. Но теперь, дождавшись, пока у меня под ногами Зарас захлопнет дверь каюты, неслышно спустился вслед за ними на нижнюю палубу.

Мы с Зарасом старательно продумали эту встречу, и я заранее просверлил в переборке дыру, через которую мог видеть и слышать все, что происходит в каюте. Я увидел, что Зарас усадил гостя лицом к моему глазку. Гралл очень напоминал ядовитую гигантскую жабу. У него были такой же широкий рот и глаза-бусинки. Вдобавок его лицо украшали большие бородавки. Когда он отпил

вина, которым угостил его Зарас, горло его раздулось, словно он проталкивал сквозь него водяную крысу – любимую пищу гигантских жаб. Эта картина, столь верная природе, буквально зачаровала меня.

– Ты, конечно, знаешь, что царь Беон освободил наши корабли – корабли посланников – от податей, – уважительно и рассудительно говорил Зарас.

– Мне определять, подлежите ли вы такому освобождению, капитан. – Гралл поставил чашу с вином. – Но, даже если вы освобождены от податей, я могу возложить на вас свои расходы. – Улыбка его была хитрой и понимающей. – Но уверяю тебя, они будут незначительны.

– Конечно, – кивнул Зарас. – Всем надо жить. Но я благодарен за возможность говорить с тобой наедине. Мне необходимо послать в Мемфис сообщение, извещающее царя Беона о нашем прибытии. Я везу ему крупную сумму в серебряных слитках, плату Верховного Миноса. – Зарас достал из-под стола серебряный слиток, который я дал ему заранее. Он положил слиток на стол между ними. – Вот образец.

Гралл медленно поставил чашу и посмотрел на слиток. Глаза его словно полезли из орбит. Жабий рот расслабленно раскрылся, вино из него полилось по редкой бороде. Гралл словно лишился дара речи. Вероятно, за всю жизнь он не видел такого богатства.

– Нет ли у вас в Кунтусе почтовых птиц? Птиц, которые могли бы улететь в Мемфис и передать мое сообщение царю, известить его о нашем прибытии в столицу? – продолжал Зарас.

Гралл промычал что-то непонятное и кивнул. Он не мог ни ответить членораздельно, ни оторвать взгляд от блестящего серебряного бруска.

– Возможно, мы будем рассматривать этот слиток как плату за твои ценные услуги. – Зарас подтолкнул слиток к нему. – Как символ согласия между нашими великими государствами. – Зарас положил рядом с массивным слитком маленький кокон с папирусом. – Вот сообщение, которое я хочу отправить царю Беону. Если ты согласишься.

Рука Гралла поползла по столу, как большой волосатый паук, и накрыла слиток. Гралл сунул слиток под свою короткую грязную кожаную куртку и прочно завязал шнурки. Руки его дрожали. Слиток выпирал из-под куртки, но он прижал его к груди нежно, как мать, кормящая младенца.

Гралл неуверенно встал и взял в одну руку почтовый кокон.

– Теперь я вижу, что ты занят важными государственными делами, уважаемый. – Он низко поклонился Зарасу. – Прошу простить за вторжение. Конечно, я почту за честь отправить твое послание царю Беону с одной из моих птиц. Еще сегодня, до вечера, послание будет в руках царя. Даже такому великолепному кораблю, как твой, не добраться до Мемфиса раньше, чем послезавтра в полдень.

– Ты очень добр. А сейчас я провожу тебя на борт твоей фелуки, – предложил Зарас, но Гралл уже был на полпути к трапу, ведущему на верхнюю палубу.

Мы с Зарасом смотрели, как фелука возвращается в Кунтус. И задерживали отплытие, пока не увидели, как Гралл поднялся на причал и заторопился в поселок. Только тогда я кивнул Зарасу. Мы подняли паруса, выпустили весла и возобновили плавание на юг. Оглянувшись назад с кормы, я увидел, как из редких домов Кунтуса выехал всадник и галопом поскакал к сторожевой башне на мысу. Заслонив глаза от солнца, я увидел, как он остановился у подножия башни, бросил повод ждущему конюху, спешился и побежал в высокое здание.

Немного погодя тот же человек появился на верхней площадке башни. На фоне неба было хорошо видно, как он поднял руки над головой. Из рук вырвался сизый голубь и стал подниматься на быстрых крыльях.

Птица закружила над башней, трижды облетев его, и уверенно направилась на юг. Она летела над серединой реки, медленно поднимаясь. Но, пролетая прямо над нашим кораблем, была еще достаточно низко, чтобы я разглядел под хвостовым оперением кокон, привязанный к лапе.

Весь остаток дня мы шли на юг. Потом, как только солнце склонилось за холмы на западе, я приказал Зарасу найти безопасную стоянку на ночь. Он выбрал полоску мелкой воды на излучине Нила в стороне от главного течения.

Я знал, что оценка Гралла верна и мы будем плыть до Мемфиса еще полтора дня. На каждом корабле Зарас выставил ночную стражу. Потом поставил дополнительных стражников, чтобы точно знать – разбойники не смогут подобраться к нам под покровом темноты.

За ужином у лагерных костров я обсуждал с тремя капитанами таран вражеского корабля. Я изучал эту теорию, когда писал свой знаменитый трактат о морских боях. Я объяснил капитанам, как причинить самый тяжкий ущерб вражескому кораблю и его экипажу, не повредив при этом свой корабль и не подвергая опасности своих людей. И несколько раз повторил, что важнее всего научить людей, как занять прочное положение и упереться перед столкновением с вражеским судном.

Ночь прошла тихо и спокойно во всех отношениях. Встали мы еще затемно и, как только стало достаточно светло, чтобы рассмотреть путь, подняли якоря и паруса. Ветер за ночь усилился и дул с северо-востока. Он гнал нас так резво, что пена из-под носа заливала нам лица, когда мы смотрели вперед. Люди были бодры и оживлены. Даже рабы, все еще прикованные к скамьям, были довольны увеличением рациона и моим обещанием освободить их, когда достигнем Фив. Стоя у руля, я слышал, как они поют.

Думаю, на борту у меня одного были дурные предчувствия. С самого нашего отплытия из Фив все шло так гладко, что люди уверовали в мою непогрешимость и свою неуязвимость. Я отлично знал, что оба эти предположения неверны. Даже я не мог знать, что мы увидим, достигнув Мемфиса. И уже горько сожалел о своей смелости, о том, что предупредил Беона о нашем прибытии. Задним числом я начал думать, что гораздо безопаснее было бы прокрасться ночью мимо столицы, обмотав весла возле уключин, чтобы не поднимать шума. И мое настроение не улучшилось, когда Зарас подошел к борту, где я стоял в задумчивости, и добродушно с такой силой хлопнул меня по спине, что я едва не упал.

– Несмотря на твою репутацию, я не сознавал, до какой степени ты горяч, Таита. Не знаю никого иного, кто решился бы на такие проделки. Ты должен сочинить песнь о своих героических деяниях. Иначе этим придется заняться мне.

Он расхохотался и снова хлопнул меня по спине, еще больнее, чем в первый раз.

Мы плыли по египетским землям, много лет назад захваченным нашими врагами. Я с детства не бывал в этой части реки. И для меня это была незнакомая территория, как и для всех на борту. За одним исключением.

Исключением этим был Рохим из двадцать шестого отряда колесничих, египетский раб, которого я нашел и освободил в крепости Тамиат. Пять лет он провел в плену у гиксосов и половину этого времени был прикован к гребной скамье галеры, патрулировавшей эту часть Нила.

Поэтому, когда мы шли на юг, подняв все паруса и работая всеми веслами, он стоял за мной и Зарасом и показывал нам все повороты и изгибы судоходного протока задолго до того, как мы к ним подходили, предупреждая о скрытых под поверхностью препятствиях.

Когда опустилась ночь, мы снова встали на якорь. Но на следующий день на рассвете снова шли по Нилу под парусами и на веслах. Это был пятый день месяца эпифи, день, в который Беон должен был ждать нашего прибытия.

Мы шли четыре часа кряду, пока не вошли в узкий изогнутый проход между двумя низкими холмами. А вышли из него на просторную спокойную воду, которая простиралась впереди на добрые две лиги.

– Это последний участок перед Мемфисом, – сказал Рохим. – Сразу за ним поворот налево, а сразу за поворотом на обоих берегах раскинулся Мемфис.

– Прекратить грести! – приказал я Зарасу. – Пусть до поворота гребцы отдыхают. Пусть напьются. Пусть будут готовы по моему приказу вести нас на таранной скорости.

Как только мы подняли весла из воды, две другие триремы последовали нашему примеру. Дальше три корабля шли только под парусами.

Реку запрудили суда всех форм и размеров – от галер до небольших парусных судов и челнов. Все они вели себя совсем не так, как корабли, которые мы встречали раньше. Почтительно уступая нам дорогу, они не пытались удрать. А когда мы проходили, с кораблей нам махали и выкрикивали приветствия.

– Нас ждут, – довольно сказал я Зарасу, пытаясь скрыть облегчение. – Похоже, наш голубь нашел дорогу в голубятню.

Зарас с нескрываемым удивлением посмотрел на меня.

– Разве не это ты задумал? Ты ожидал чего-то меньшего, господин? – спросил он. Я покачал головой и отвернулся.

Меня пугает, что люди ждут от меня чудес, как чего-то обыденного. Знаю, я умней и хитрей большинства, но, на мой взгляд, удача предпочтительней ума, а удача капризна. И я никогда не знаю, когда она отвернется от меня.

Я прошел вдоль гребных скамей и здесь встретил ту же детскую веру и безграничные ожидания. Люди приветствовали меня улыбками и глупыми шутками, на что я бесхитростно отвечал. Но моей истинной целью было проверить, натянуты ли тетивы на луки, лежащие под скамьями, и наполнены ли колчаны стрелами. При дующем в корму ветре мы резали воду, и последний поворот словно несся навстречу. Не торопясь, внешне невозмутимо, продолжая улыбаться и перешучиваться с людьми, я вернулся на свое место у рулевого весла.

Посмотрев по сторонам, я убедился, что триремы Дилбара и Акеми идут рядом с нами в строю «наконечник стрелы». Дилбар и Акеми, приветствуя меня, подняли правые руки. Они сообщали о своей готовности к бою.

Когда мы выходили из поворота, я кивнул Зарасу и произнес только одно слово:

– Весла!

Мы расправили крылья: оперенные весла разошлись в стороны.

– Навались! – приказал я; весла окунулись в воду и бросили нас вперед, почти удвоив скорость. Барабан ускорял ритм, соответственно увеличивалась и скорость.

Неожиданно поворот кончился. По обе стороны от нас открылись берега реки, а прямо впереди лежал город Мемфис. Ослепительное солнце отражалось в

мраморе стен и башен, в куполах и башнях, крытых золотым листом. Великолепные дворцы и храмы соперничали с постройками моих любимых Фив.

У берегов в три-четыре ряда стояли небольшие суда, все забитые людьми. Сосчитать их было невозможно. Большинство лодок украшали белые и красные полотнища; я знал, что у гиксосов это цвета единения и счастья. Толпы приветственно махали пальмовыми листьями. Собравшиеся возвышали голоса в песнях и диких воплях.

Посреди Нила была очищена от судов широкая полоса, чтобы мы могли пройти. В дальнем конце этого водного пути стояло на якоре несколько великолепно раскрашенных барж и речных галер. В центре – царская баржа, больше всех других судов на реке, кроме наших трирем.

– Увеличить удары весел до таранной скорости, – перекрывая шум, крикнул я Зарасу. – Красная баржа в центре, должно быть, Беона. Целимся в нее.

Я поднял руки и убедился, что маска закрывает нижнюю половину лица до глаз, потом надел бронзовый шлем. Мне хотелось полной уверенности в том, что в будущем никто из двора Беона не сможет меня узнать.

Два человека у рулевого весла направляли бронзовый нос нашей триремы точно в центр роскошной баржи Беона. Другие две триремы нашей эскадры шли в половине корпуса и чуть за нами, чтобы мы ударили первыми. Барабан гремел, задавая таранную скорость, и я слышал, что удары моего сердце почти точно совпадают с ударами барабана.

Расстояние между нами и красной баржей сократилось с четырехсот шагов до двухсот. Я видел, что баржа заякорена на носу и на корме, чтобы стоять поперек течения. Посреди верхней палубы высилась ступенчатая пирамида, окруженная матерчатым навесом. Под навесом я видел трон; на нем сидел человек. Но было еще слишком далеко, чтобы разглядеть подробности.

Вокруг трона почетная стража копейщиков, все они в доспехах и вооружены. Сверкают шлемы и нагрудные пластины.

По обе стороны от царской баржи стоят суда поменьше. На них теснятся придворные из свиты Беона. Мне показалось, что их несколько сотен, но точно

определить их число не представлялось возможным, они были плотно прижаты друг к другу и женщины не видны за мужчинами. Все смеялись, выкрикивали приветствия и махали. Некоторые мужчины в церемониальных доспехах и блестящих металлических шлемах. Другие, и мужчины и женщины, – в платье из роскошных экзотических тканей всевозможных расцветок. Они фантастичны и пестры, как стайка только что вылупившихся бабочек, летающих и пляшущих на ветру.

На небольшом судне чуть в стороне от большой царской баржи музыканты играли шумные, варварские гиксосские мелодии. Это была какофония голосов барабанов и арф, деревянных духовых инструментов и тростниковых дудок.

Мы так быстро приближались к царской барже, что теперь я мог рассмотреть подробности, ранее скрытые расстоянием. На помосте в виде пирамиды под навесом на троне из кованого серебра сидел царь Беон. Он унаследовал этот трон от своего отца Салита.

Я узнал его с первого взгляда. Я видел его в битве у Фив. Он командовал левым флангом гиксосов, и ему подчинялись сорок тысяч пехотинцев и лучников. Он не из тех, кого легко забыть.

Беон был колоссален. Его просторное одеяние колыхалось, как занавес, облекая массивный живот. Черная кудрявая борода была заплетена в толстые косы; одни спускались до пояса, другие были переброшены на спину. В них блестели вплетенные цепочки и украшения из яркого серебра и золота. Голову венчал высокий шлем из полированного серебра, усаженный драгоценными камнями. Выглядел он величественно, почти божественно. Даже на меня, кому ненавистно все связанное с гиксосами, он произвел впечатление.

Царь Беон держал одну руку поднятой, с раскрытой к нам ладонью – в приветствии или благословении, не знаю точно. Но царь улыбался.

Несколькими словами я указал Зарасу самое уязвимое место в корпусе царской баржи, где было сосредоточено напряжение главных ребер корабля, чуть впереди высокого помоста.

– Вот твоя цель, Зарас. Правь туда до самого удара.

Теперь мы были так близко, что я видел: царь Беон перестал улыбаться. Он разинул рот, обнажив коричневые передние зубы. Неожиданно он закрыл рот. В последний миг поняв, что у нас враждебные намерения, он уперся волосатыми руками в подлокотники трона и хотел встать. Но неуклюже и медленно.

Придворные, запрудившие баржи по обе стороны от царской, вдруг поняли, что они в опасности: триремы неслись прямо на них. До места, где я стоял, явственно донеслись крики женщин. Мужчины пытались добраться до бортов переполненных людьми барж, они выхватывали оружие и кричали, издавали воинственные кличи и гневно ревели. Я видел, как сбивали с ног и давили женщин. Других оттесняли к бортам. Там их выбрасывали за борт, или они прыгали в Нил сами. В этом смятении мы приближались, как горная лавина.

– Весла вверх! – выкрикнул Зарас, перекрыв крики и вопли гиксосов. Гребцы у обоих бортов триремы подняли весла, поставили их вертикально и вставили в гнезда, чтобы не срезало при ударе.

В последнее мгновение перед ударом я встал на палубу коленями и ухватился за гребную скамью. Я видел, что окружающие серьезно восприняли мои наставления. Все пригнулись, обхватив ноги и спрятав лицо в коленях.

Мы ударили царскую баржу точно в то место, которое я указал Зарасу. Массивный бронзовый нос нашей триремы с треском и грохотом вспорол древесину корпуса. Удар сбросил большинство наших людей со скамей на палубу, но я удержался за прочную скамью. И видел все, что происходило перед нами.

Я видел, что вся сила удара и весь вес нашей триремы сосредоточились на небольшом участке борта царской баржи. Как тяжелый топор, расщепляющий полено для растопки, мы перерубили борта. Половинки баржи под ударом начали погружаться в воду.

Я видел, как летели с помоста стражники-гиксосы, словно листья платана, сорванные с веток порывом зимнего ветра. Выше всех взлетел царь Беон. Его белое одеяние развевалось вокруг массивного тела, косы хлестали по лицу. Болтая руками и ногами, Беон рухнул в воду. Воздух, раздувший одеяние, удержал его на поверхности всего в тридцати шагах от того места, где я поднимался, держась за скамью.

По обе стороны от меня остальные наши триремы ударили по меньшим судам гиксосов. Они без всяких усилий опрокидывали их, сбрасывая охваченных паникой людей с палуб в воду.

Обломки царской баржи скребли по нашим бортам под треск рвущихся парусов, лопающихся канатов, раскалывающихся бревен и полный боли крики людей, зажатых между корпусами. Наша палуба сильно наклонилась, люди и незакрепленное снаряжение заскользили к борту.

Но вот наш прекрасный корабль встряхнулся, освободившись от обломков, почти с женским изяществом восстановил равновесие и встал на воде вертикально.

Зарас снова отдал приказ «Весла!», и люди четко и быстро выполнили его. Они достали тяжелые весла из гнезд и установили в уключинах.

– Задний ход! – снова крикнул Зарас. Только гребцы на задних скамьях смогли дотянуться до воды веслами. Тем, что сидели на передних, мешали обломки большой царской баржи.

Те, кто мог, налегли на весла и несколькими мощными гребками освободили нас. Через несколько секунд обломки царской баржи заполнились водой. Накренившись, они ушли под воду. На поверхность вырвались пузыри запертого в них воздуха.

Я посмотрел на две другие триремы. Дилбар и Акеми выкрикивали приказы своим людям. Их экипажи быстро возвращались на гребные скамьи, вставляли весла в уключины и начинали грести в такт ударам барабана. Рулевые направляли триремы следом за нашей.

Поверхность воды между нами кишела человеческими головами, плывущими и барахтающимися телами и разбросанными обломками. Крики тонущих мужчин и женщин звучали жалобно, как блеянье овец, которых гонят через ворота на бойню и они чуют запах крови.

Несколько минут я в ужасе наблюдал за этой бойней. Меня охватили чувство вины и раскаяния. Я больше не мог смотреть на этих гибнущих людей как на

гиксосских животных. Это были люди, борющиеся за жизнь. Сердце мое устремилось к ним.

Но тут я вновь увидел царя Беона, и мое настроение мгновенно изменилось. Мое своенравное сердце вернулось ко мне быстро и без ошибки, как голубь в голубятню. Я вспомнил, что сделал царь Беон с двумястами наших лучших и храбрейших лучников, когда гиксосские головорезы захватили их в битве у Хаквады. Он запер их в храме Сета над полем битвы и сжег живьем, принеся в жертву своему чудовищному богу.

Теперь Беон одной рукой цеплялся за разбитые доски царской баржи, а в другой сжимал свой драгоценный меч и рубил им головы наложницам из гарема, которые пытались ухватиться за те же доски. Он безжалостно отгонял их, не желая ни с кем делить свой насест. Я видел, как он ударил мечом девочку не старше дорогой мне маленькой Бекаты. Клинок рассек голову до подбородка, словно спелый гранат. Кровь окрасила воду, а Беон обозвал девочку грязным словом и снова ударил.

Я быстро наклонился и взял из-под гребной скамьи изогнутый боевой лук. Стрелы высыпались из колчана у моих ног. Я наложил одну на тетиву, выпрямился и что было силы натянул лук. Как всякий опытный стрелок, я всегда касаюсь оперением губ. Но на сей раз руки мои дрожали от ярости, и стрела была нацелена не точно.

Вместо того чтобы попасть Беону в горло, как я хотел, стрела прибила к доске, на которой он лежал, его левую руку; к доске, за которую он убил свою жену-девочку.

Зарас и другие, видевшие это, радостно закричали. Они знали, как я стреляю, и потому решили, что я сознательно ранил Беона. Я наложил вторую стрелу и – признаюсь – теперь играл на публику. Я намеренно прибил к доске правую руку Беона, и теперь он лежал в позе распятого. Беон завыл, как трусливый шакал.

Я по природе милосерден и не заставил его страдать больше, чем он заслуживал. Моя третья стрела пробила ему середину горла.

Экипаж трирем последовал моему примеру. Люди расхватали луки, встали у бортов и принялись стрелять по плывущим в воде.

Я бессилен был помешать этому, а может, мне не хватило желания и решимости. Многие мои люди потеряли своих отцов и братьев. Над их сестрами и матерями надругались, их дома сжигали дотла.

И потому я стоял и смотрел, как гибнет гиксосская знать. Когда течение унесло последний труп, утыканный стрелами, я вновь сумел заставить людей занять места на гребных скамьях.

Ничуть не раскаиваясь, все еще кровожадно и радостно крича, они подняли паруса и заработали веслами. Бросив гиксосов на милость их грязного бога Сета, мы поплыли дальше на юг – к Фивам и подлинному Египетскому царству.

Граница между нашим Египтом и землями, которые отняли у нас орды гиксосов, никогда не была четко обозначена. Борьба перешла в ежедневную, за нападениями следовали ответные нападения, и военная удача переходила из рук в руки.

Мы вышли из Фив на пятый день месяца пайни. В ту пору вельможа Кратас отогнал захватчиков-гиксосов на двадцать миль к северу от города Шейк-Абад. Но сейчас шел месяц эпифи, и за время нашего отсутствия многое могло измениться. Однако на нашей стороне оставался элемент неожиданности.

Ни передовые войска гиксосов, ни наши люди под началом вельможи Кратаса не ожидали нашего чудесного появления на критских военных кораблях посреди Нила, более чем в четырехстах лигах от берегов Среднего моря.

В южном течении Нила ни у гиксосов, ни у египтян нет кораблей, которые могли бы противостоять нашим триремам. Мы доказали, что остановить нас невозможно. Конечно, гиксосы могли выпустить голубей и предупредить свои войска, стоящие между нами и Египтом. Но голуби – вольные птицы и летят только туда, где вылупились, а не туда, куда захочет послать их хозяин.

На ночь мы не встали на якорь, потому что были теперь в знакомых водах и знали каждый поворот и каждую отмель, каждый проток и каждое препятствие в этой части Нила.

Через шесть дней и ночей после того, как мы оставили Мемфис, за несколько часов до полуночи, когда молодой месяц только еще вставал, мы миновали военный лагерь.

Вдоль обоих берегов Нила на несколько лиг горели сторожевые костры противостоящих легионов. И лишь узкая темная полоска между ними обозначала ничью землю.

Наши корабли плыли без огней, только на корме у каждой триремы горела небольшая масляная лампа, чтобы мы в темноте не теряли связь. Этот тусклый свет невозможно было заметить с берега. Я не хотел, чтобы нас увидела то или другое войско, поэтому мы плыли по середине реки. Никто нас не остановил, и наконец мы оказались в своем Египте.

На рассвете мы встретились с небольшой флотилией из восьми речных судов, шедшей навстречу нам со стороны Фив. Даже издалека я видел, что эти суда перевозят египетские войска, и на них подняты синие флаги фараона Тамоса. Я понял, что это подкрепления для войска вельможи Кратаса.

Увидев идущую на них нашу эскадру, все они тотчас принялись поворачивать, пытаясь уйти от нас. За несколько минувших дней я приказал своим людям сшить нехитрые синие знамена – как раз на случай такой встречи. Все триремы подняли на мачтах эти флаги, и галеры отошли к берегам и позволили нам пройти. Их экипажи изумленно смотрели нам вслед, а мы направились к Фивам, небрежно приветствуя их. Я уверен, что никто на этих судах никогда не видел таких трирем.

Этой встречи я хотел бы избежать. Было бы гораздо лучше, если бы судьба сокровища оставалась загадкой для верховного правителя Крита Миноса. Он не должен был усомниться в том, что гиксосы – мнимые его союзники и ограбили его, отняли серебряные слитки. А для этого нашей добыче, сколь бы грандиозна она ни была, следовало бесследно исчезнуть. Подобная задача отпугнула бы любого, но я уже нашел решение.

В то время, когда гиксосы еще не изгнали нас – до нашего исхода, – нами правил фараон Мамос. Я, Таита, был тогда рабом вельможи Интефа, номарха Карнака и великого визиря всех двадцати двух номов Верхнего Египта. Однако наряду с

другими своими многочисленными титулами и почетными званиями мой хозяин звался также господином Некрополя и хранителем царских усыпальниц.

Он бы хранителем гробниц фараонов, былых и настоящих, мертвых и живых. Но, что гораздо важнее, он был назначенным архитектором гробницы фараона Мамоса.

Мой господин Интеф никогда не умел творить. У него скорее был дар создавать хаос и сеять разрушение. Сомневаюсь, что он мог бы построить загон для скота или голубятню, тем паче замысловатую усыпальницу, достойную фараона. Получая от царя все положенные ему по чину царские награды и милости, трудную работу, к которой у него не было ни склонности, ни желания, он оставлял мне.

Вельможу Интефа я воспоминаю не слишком хорошо и радостно. Это он приказал одному из своих приспешников оскопить меня. Это был жестокий и совершенно безжалостный человек. Но в конце концов я с ним расквитался.

Однако задолго до этого счастливого дня я придумал все помещения, туннели и погребальные залы великолепной усыпальницы фараона Мамоса. А потом руководил работами строителей, каменщиков, художников и ремесленников, создававших эту усыпальницу.

Наружный саркофаг фараона Мамоса вырубили из цельной исполинской гранитной глыбы. Он был достаточно просторным, чтобы вместить семь серебряных гробов, которые аккуратно входили один в другой. В самом последнем, внутреннем гробу должно было храниться забальзамированное тело фараона. Все вместе представляло собой огромную тяжесть. И все эти гробы следовало благоговейно перевезти на четыре тысячи локтей от погребального храма на берегу Нила к гробнице у начала Долины Царей.

Для этого перемещения я придумал и провел прямой, как стрела, канал от берега Нила через пойменную черноземную равнину до самого входа в царскую усыпальницу. Этот канал был достаточно глубок и широк, чтобы прошла погребальная баржа фараона.

Но судьба фараона Мамоса повернулась иначе. Он не успел ни дня провести в своей гробнице – гиксосы выгнали нас из наших земель. И, когда мы уходили в

долгое изгнание, царица Лостра, жена фараона, приказала нам увезти с собой его забальзамированное тело.

Много лет спустя царица Лостра велела мне придумать и построить другую гробницу в свирепых нубийских диких землях, в тысячах лиг к югу. Там Мамос лежит и сегодня.

А его первая гробница в Долине Царей все эти годы пустовала. Но, что было гораздо важнее для моих планов, канал, который я построил от берега Нила до царской гробницы, сохранялся в прекрасном состоянии. Я знал это, ведь совсем недавно я проехал верхом по его берегу с моими маленькими царевнами, чтобы показать им усыпальницу их отца. Должен признать, они не проявили никакого интереса к истории своей семьи.

Даже спустя много лет я отлично помню размеры погребальной баржи Мамоса. Память у меня безупречная. Я никогда не забываю ни происшествий, ни чисел, ни лиц.

Сейчас я измерил наши захваченные минойские триремы. Потом приказал Зарасу ненадолго встать на якорь в спокойной воде, а сам спустился в реку, к килю, и измерил, сколько воды вытесняет трирема с грузом слитков в трюме. Эти данные отчасти менялись от корабля к кораблю.

Я вынырнул, довольный результатами своих измерений. Теперь я мог сравнить погребальную баржу фараона Мамоса с захваченными нами триремами. Канал мог пропустить самую крупную из трирем, причем с обоих бортов должно было остаться по десять, а под килем не менее пятнадцати локтей воды. Это еще больше подбодрило меня; много лет назад я выложил дно канала гранитными плитами и разработал систему шлюзов, благодаря которой канал всегда заполняла нильская вода.

Мой опыт свидетельствует: если относишься к богам с должным почтением и уважением, боги склонны отвечать тем же. И хотя они бывают капризны, на сей раз они меня не оставили.

Последний отрезок нашего пути я спланировал так, чтобы к погребальному каналу мы подошли вскоре после захода солнца. В темноте мы пришвартовались у каменного причала под погребальным храмом фараона Мамоса. Конечно –

Мамос сейчас бог, поэтому у него есть собственный храм над Нилом, на расстоянии небольшой пешей прогулки от причала, куда высадились мы с Зарасом.

Храм этот не очень внушителен. Должен сознаться – по моей вине. Когда мы вернулись из исхода и разгромили гиксосов в битве у Фив, моя госпожа царица Лостра решила посвятить храм своему мужу, давно умершему фараону Мамосу. Она хотела оказать ему почтение и в то же время выразить благодарность за наше возвращение из диких земель.

Разумеется, построить храм она приказала мне. Когда я понял, о каких размерах и о каком великолепии она грезит, это потрясло меня и встревожило. Храм должен был затмить своим великолепием большой дворец фараонов на противоположном берегу реки. Фараон Мамос и без того погрузил Египет в бедность, возведя две свои гробницы: ту, что стоит здесь, у входа в Долину Царей, и еще более сложную и дорогую гробницу в Нубии.

А теперь моя госпожа, кем я восхищался и перед кем преклонялся, собирается еще больше разорить Египет сооружением нового поразительного здания в память о муже.

К счастью, я сумел склонить на свою сторону ее единственного сына, нынешнего фараона Тамоса, человека вполне разумного. Долгий и горький опыт научил меня к тому же обуздывать чересчур дерзкие желания госпожи. Храм Мамоса, на котором мы со временем остановились, вдвое меньше дома сборщика налогов в Фивах, и я даже сумел обойтись без мраморных полов.

Такой довольно скромный храм не требовал стольких жрецов, сколько задумала моя госпожа. Я умерял ее запросы, пока наконец она покорно не вскинула руки и не согласилась с моим предложением – четыре жреца вместо предложенных ею четырехсот.

Теперь, когда мы с Зарасом прошли от реки к задним воротам храма и прошли в него, не объявляя о своем приходе, мы застали четырех жрецов пьяными от пальмового вина. Компанию им составляли две молодые женщины, почему-то обнаженные. Женщины участвовали в религиозном обряде с двумя жрецами; обряд заключался в том, что они катались по глинобитному полу, вцепившись друг в друга и издавая дикие возбужденные крики. Два незанятых жреца

хлопали в ладоши и призывали участников к более энергичному поклонению.

Прошло некоторое время, прежде чем кто-то из них заметил нас. Тут женщины схватили свою одежду и скрылись за потайной дверью за статуей бога Мамоса. Мы их больше не видели и в последующем разговоре со жрецами не упоминали.

Жрецы Мамоса хорошо ко мне относятся. После смерти царицы Лостры я стал ответственным за выделение им ежемесячной платы. Четверо жрецов склонились передо мной и призвали на мою голову благословение бога.

Когда они склонились к моим ногам, я достал из-под плаща Печать ястреба фараона. Они онемели от благоговения. Старший жрец подполз к моим ногам и попытался их облобызать. От него несло потом, вином и дешевой женщиной. Я отступил, а Зарас отговорил его от дальнейшего поклонения, хлопнув мечом по голым ягодицам.

Потом я обратился ко всем четверым и коротко, но твердо предупредил, что о трех больших триремах, стоящих у храма, нельзя говорить никому, кроме самого фараона Тамоса. Вдобавок у храма и у обеих оконечностей канала днем и ночью будет стоять вооруженная стража. Только этим людям под командой сотника Зараса разрешается в будущем заходить в священный храм. Те же стражники обеспечат постоянное пребывание жрецов в храме: выйти они не смогут ни в коем случае.

Наконец я приказал жрецам передать мне связку ключей от гробницы и других памятников, за которыми они присматривали. Мы оставили их, когда они все еще выражали готовность исполнять свой долг и подчиняться мне и фараону, в точности выполняя мои приказы. Мы с Зарасом вернулись на судно.

Вход в Долину Царей возвышается над речной пристанью всего на двадцать локтей, но потребовалось четыре шлюза, чтобы поднять каждую нашу трирему на такую высоту, чтобы мы могли подвести их к храму. Мы привели первый корабль в шлюз под храмом и закрыли за ним ворота. Теперь вода в шлюзе была на пять локтей выше, чем в канале.

Я показал трем капитанам, как открывать наземные запоры шлюзов. Вода из верхнего канала попадает вниз, в шлюз, и медленно поднимает огромный корабль на уровень верхнего канала. Как только ворота шлюза закрылись,

пятьдесят человек взялись за буксирные канаты и перетащили трирему в следующий шлюз, а потом все это повторили для второй триремы.

Никто из моих людей никогда не видел ничего подобного, что неудивительно, ведь я сам изобрел эту систему. Другой подобной нет в целом мире. Все были взбудоражены; им казалось, что они присутствуют при волшебстве. Но мое волшебство всегда требует большой, тяжелой работы.

К счастью, у меня было для этой работы свыше двухсот человек. В их число входили и рабы, закованные критянами. Теперь они стали свободными людьми, но обязаны были отработать свою свободу.

Воду из верхнего канала, которую мы спускали в шлюзы, нужно было возместить. Я добился этого, поднимая свежую воду из Нила системой других шлюзов. У этих были цепи с ведрами и противовесами, каждую такую систему обслуживали по два человека. Это была очень тяжелая работа, и для каждой триремы ее пришлось повторить четырежды.

Прежде чем поднимать триремы по каналам, с каждой сняли все паруса и мачты и уложили на палубу. Потом корпус покрыли плетеными матами из тростника, так что корабль стал напоминать бесформенную гору мусора. Когда наутро жители Фив проснутся и взглянут через реку на канал, они не увидят ничего необычного. Три гигантские триремы исчезли, словно никогда не существовали.

Уже почти забрезжил второй день, когда мы провели триремы по равнине и остановили у входа в гробницу Мамоса. Люди страшно устали, и я приказал Зарасу выдать им дополнительно сухой рыбы и позволить отдыхать в самые жаркие часы дня.

Я прошел вдоль канала по буксирной тропе к храму. Жрецы как будто пришли в себя после усердных ритуалов и молитв прошлого вечера. Они перевезли меня через канал в храмовой лодке. Я направлялся к фараону, чтобы рассказать ему об успехе нашей экспедиции.

Я с огромным нетерпением ждал, когда смогу исполнить эту приятную обязанность. Моя преданность фараону уступала только моей преданности его матери, царице Лостре. Конечно, нелепо сопоставлять превосходные степени, поэтому я не упомянул своих царевен. Достаточно сказать, что моя преданность

царской семье распространяется на всех ее членов.

Мои прирученные жрецы высадили меня у ступеней на набережной города, под базаром, который в этот ранний час был уже забит народом. По узким улицам я направился к воротам дворца. Под мятым шлемом и грязной маской никто меня не узнал, хотя толпа оборвышей окружила меня, всячески обзывала и бросала камни. Я поймал один из камней и отправил его обратно – с гораздо большей силой. Безобразник, верховодивший в этой толпе, закричал от боли и схватился за голову – из раны на ней обильно текла кровь. Все его товарищи разбежались от греха подальше.

Подойдя к воротам, я убрал свою маскировку. Сотник стражи тотчас узнал меня и с уважением приветствовал.

– Я должен видеть фараона! – сказал я. – Пошли гонца, пусть передаст, что я жду его с радостной вестью.

– Прошу извинить, сиятельный Таита. – Я не поправил его, начиная привыкать к своему новому титулу. – Фараона нет в Фивах, и мы не ждем его скорого возвращения.

Я кивнул, разочарованный, но не удивленный. Большую часть своего времени и сил фараон посвящает кампании против гиксосов на севере.

– Отведи меня к управителю, сиятельному Атону.

Когда я подошел к его личным покоям, Атон обнял меня у входа.

– Какие новости, старый друг? – спросил он. – Как дела?

– Новости очень дурные, – ответил я с мрачным лицом. – Сокровище Верховного Миноса в его крепости Тамиат разграблено, а царь Беон убит.

Удерживая меня на расстоянии вытянутой руки, он вглядывался мне в лицо.

– Ты шутишь, добрый Таита, – уличил он. – Все честные люди должны плакать, услышав это! Кто же повинен в столь гнусных преступлениях?

– Увы! Оба преступления совершены одной и той же рукой, Атон. Возможно, ты ее узнаешь.

И я предъявил ему свою правую руку. Он смотрел на нее с отлично разыгранным недоумением. Чтобы так долго продержаться на посту управляющего дворца фараона, нужно быть отличным лицедеем.

Потом он покачал головой и засмеялся, вначале тихо, но постепенно все громче, и вскоре уже фыркал и кричал от смеха. Он бродил по комнате, натыкаясь на мебель, и хохотал, весь трясясь, колыхая животом. Внезапно Атон оборвал смех и исчез в примыкающем чулане. Наступило мгновение тишины, а потом послышался такой звук, словно Нил преодолевал пороги. Так продолжалось довольно долго; потом наконец Атон вернулся ко мне. Он поправил одежду, и лицо его стало серьезным.

– Тебе повезло, мой друг, что я вовремя добрался до горшка, иначе ты мог бы утонуть, как царь Беон.

– Откуда ты знаешь, что Беон утонул?

– У меня есть глаза и уши помимо тех, что ты видишь на моей голове.

– Если ты так сведущ, расскажи о сокровище Миноса.

– Об этом я ничего не слышал. – Он печально покачал головой. – Но, может, ты что-то о нем знаешь?

– Только одно: ты ошибался.

– В чем же?

– Ты ведь сказал мне, что сокровище может достигать ста лаков, верно?

Он кивнул, и я продолжил:

– Ты сильно ошибся в своих подсчетах.

– Ты можешь доказать это? – спросил он.

– Мало того, Атон. Я могу дать тебе взвесить его, – заверил я. – Однако, прежде чем мы выйдем из дворца, я должен передать сообщение фараону.

Атон показал на шкатулку для письма, лежавшую открытой в углу комнаты.

– Пиши, и фараон получит твое сообщение до наступления ночи, – заверил он.

Мое сообщение было коротким и загадочным.

– Прошу о терпении, – сказал я Атону, передавая ему сообщение, – я почти две луны не мылся и не надевал свежей одежды. Я должен побывать в своих покоях во дворце, а потом мы с тобой пойдем в гробницу Мамоса.

Едва ли стоило упоминать, что и обеих своих царевен я не видел с возвращения.

Но, пройдя к себе, я сразу послал раба с весточкой в царские женские покои.

И не успел я сесть в горячую ванну, как явились царевны – с силой и яростью пустынного ветра хамсина. В целом свете только им, за исключением, конечно, моих рабов, я разрешаю видеть себя неодетым. Но все мои рабы, как и я сам, евнухи, так что они не в счет.

И вот Техути и Беката уселись на края моей ванны и засыпали меня вопросами. На мою наготу они не обращали внимания. Однажды много лет назад об этом со мной говорила от имени их обеих Беката.

– Ты похож на нас с Техути: у тебя нет этих ужасных штук, что болтаются у мужчин.

Сейчас они болтали ногами в моей ванне и жаловались:

– Без тебя было так скучно! Почему тебя так долго не было? Поклянись, что в следующий раз возьмешь нас с собой.

Я вылил на голову кувшин горячей воды, чтобы уйти от клятвы, которой от меня требовали.

– А ты привез нам подарок, Таита? Или забыл? – продолжила допрос Техути. Как старшая сестра, она лучше понимала неотъемлемую ценность вещей.

– Конечно, я кое-что привез вам обеим. Как я мог забыть своих маленьких любимиц? – ответил я, и они радостно захлопали в ладоши.

– Покажи! – прощебетала Беката.

– Да, да, милый Таита, – поддержала Техути. – Пожалуйста, покажи. Мы так тебя любим.

– Тогда принесите мою сумку.

Я объяснил, где она лежит в соседней комнате, и, как всегда, Беката добежала до нее первой. Приплясывая, она вернулась ко мне, размахивая кожаной сумкой. Взошла на мраморные ступеньки, села и положила сумку на колени.

– Открой, – велел я.

Помня о своих царевнах, я выбрал два украшения из добычи, отобранной у минойских военачальников, которых мы пленили в Тамиате.

– Есть там что-нибудь, завернутое в красную ткань? – спросил я, и Беката взволнованно запищала:

– Да, мой хорошенький, мой любименький Таита. Оно мое? То, что в красном, мое?

– Конечно, твое.

Она развернула маленький сверток, руками, дрожащими от волнения. А когда взяла в руки золотое ожерелье, глаза ее наполнились слезами радости.

– Никогда не видела ничего прекрасней! – прошептала она.

На цепочке висели две золотые фигурки. Хотя и маленькие, они были полны самых убедительных подробностей. Большая фигурка – нападающий бык. Голова его наклонена, он готов ударить изогнутыми рогами. Его глаза из крошечных зеленых камней гневно сверкают. Согнутые плечи символизируют силу и ярость этого чудовища. Бык нападает на другую фигурку – на стройную прекрасную девушку. Та словно танцевала вне досягаемости страшных рогов. Ее голову украшали цветочные гирлянды, а соски были из красных рубинов. Голова была откинута, словно она смеялась над быком.

– Она такая быстрая, что бык ее никогда не поймает.

Беката заставила фигурки танцевать в ее руках.

– Ты права, Беката. Это оберег. Пока ты носишь это ожерелье, опасность тебе не угрожает. Танцующая перед быком убережет тебя.

Я взял из ее рук ожерелье и одел, застегнув пряжку на шее. Беката посмотрела на ожерелье и затрясла плечами, чтобы фигурки заплясали на блестящей коже ее плоской, как у мальчика, груди. Когда смеется, она прекрасна.

Техути терпеливо ждала, пока я уделю ей внимание, и, повернувшись к ней, я почувствовал укол вины. Не люблю показывать, что у меня есть любимцы.

– Твой подарок в синей ткани, о царевна.

Она осторожно развернула ткань и ахнула, увидев сверкающее кольцо.

– Никогда не видела ничего такого блестящего! – воскликнула Техути.

– Надень на средний палец, – сказал я.

– Велико… Скользит по пальцу.

– Потому что это особый камень. Ты никогда не должна показывать его мужчине. Разве только…

– Разве только что?

– Разве только захочешь, чтобы он в тебя влюбился. В других случаях ты должна прятать кольцо в ладони. Помни: его колдовство действует всего раз. Так что постарайся выбрать, кому показать кольцо.

Техути сжала кольцо в руке.

– Не хочу, чтобы в меня влюблялся мужчина, – решительно сказала она.

– Почему нет, детка?

– Потому что когда они влюбляются, они хотят посадить внутрь тебя ребенка. А когда ребенок внутри, он не хочет выходить. Я слышала, как кричат женщины в гареме, и не хочу этого.

– Однажды ты можешь передумать, – улыбнулся я. – Но у камня есть и другие свойства, которые делают его особенным.

– Расскажи. Что в нем особенного?

Бекату не остановили глупые опасения сестры.

– Например то, что это самый твердый камень на земле. Ничто не может его разрезать, ничто не может поцарапать, даже самый острый бронзовый кинжал. Поэтому этот камень называется алмаз – «твердый». Вода его не смачивает. Но к коже женщины, которая его носит, он прилипает, как по волшебству.

– Я тебе не верю, Таита. – Техути, кажется, сомневалась. – Это еще одна твоя выдумка.

– Подожди, и сама увидишь, что я сказал правду. Но помни… – Я строго помахал перед ней пальцем. – …Не показывай камень мужчине, если не полюбишь его и не захочешь, чтобы он вечно любил тебя.

Не знаю, почему я сказал так: девочки любят мои истории, и я не разочаровываю их.

Я вышел из ванны и позвал Рыжего, своего главного раба, чтобы он принес мне сухую ткань – вытереться.

– Ты опять уходишь, Таита, – упрекнула меня Техути. У нее было чутье взрослой женщины. – Возвращаешься на час и снова уходишь. Может, на этот раз навсегда.

Она чуть не плакала.

– Нет! Нет! – Я уронил ткань и обнял ее. – Неправда. Я всего лишь иду к гробнице вашего отца на другом берегу.

– Если это правда, позволь нам пойти с тобой, – предложила Беката.

– О да, пожалуйста! Возьми нас с собой, милый Таита, – подхватила Техути.

Я помолчал, обдумывая это предложение, и обнаружил, что мне оно нравится не меньше, чем девочкам.

– Есть одна загвоздка. – Я изобразил нежелание. – То, что мы собираемся делать, большая тайна. Поклянитесь никому не рассказывать, что увидели и что мы там делаем.

– Тайна! – воскликнула Беката, и глаза ее засверкали. – Клянусь, Таита! Клянусь всеми богами, что не расскажу ни одной живой душе.

Когда мы с царевнами и Атоном пришли, триремы еще стояли у входа в гробницу фараона Мамоса.

Зарас и его люди славно потрудились в мое отсутствие. Следуя моим указаниям, они расставили вокруг гробницы заслон из плетеных тростниковых циновок, чтобы нельзя было подглядывать с окрестных холмов. Я намеревался работать всю ночь, чтобы разгрузить триремы. Однако под покровом темноты могли

подобраться гиксосские шпионы, а нам, конечно, пришлось бы работать при факелах. И для сохранения тайны заслон был жизненно необходим.

Основываясь на опыте, приобретенном в Тамиате, я подробно разработал план разгрузки. И теперь руководил Дилбаром и его людьми, которые сколачивали площадки из обработанной древесины и на блоках поднимали их с палубы первой триремы. Эти площадки-поддоны в восемь квадратных локтей входили в люки триремы. На верхней палубе каждой триремы я установил треножники и блоки над каждым люком. Мои люди опускали поддоны в трюм, а там группы рабочих нагружали их ящиками со слитками.

Потом партиями по двадцать ящики поднимали, переносили за борт и укладывали на причал.

– А что в этих ящиках, Таита? – спросила Техути.

Я заговорщицки приложил палец к губам.

– Это великая тайна. Но очень скоро ты узнаешь, что в них. Нужно только немного потерпеть.

– Не люблю терпеть, – напомнила Беката. – Даже немного не люблю.

Ящики снимали с поддонов, и они попадали в руки длинной цепочки людей. Эта цепочка начиналась от пристани и, минуя вход в гробницу, спускалась по лестнице, а потом проходила по длинному разукрашенному туннелю через три обширные прихожие, чтобы окончиться у четырех сокровищниц. Три сокровищницы располагались по сторонам помещения с пустыми саркофагами, ждущими набальзамированное тело, которое так в них и не попало. Вся огромная усыпальница была вырублена в скале – мне и двум тысячам рабочих пришлось двадцать лет трудиться, чтобы завершить его; я по-прежнему горжусь этим сооружением.

– Вы, девочки, можете очень помочь дяде Атону и мне, – сказал я царевнам. – Вы умеете считать и писать, а из этих людей на это способен только один из ста.

Я кивком показал на цепочку полуобнаженных людей.

Девочки с удовольствием приняли на себя обязанности счетоводов и вступили в игру. Они с радостью демонстрировали свои умения.

Я оставил Зарасу указания, и в мое отсутствие он установил в первой сокровищнице две пары больших весов. Мы с Атоном встали к ним. Рабочие ставили ящик на весы, а мы сообщали царевнам вес. Беката работала с Атоном, а мне помогала Техути. Они записывали каждый вес на длинном свитке папируса и после каждого десятого ящика подводили итог.

Когда первая сокровищница заполнилась, в ней оказалось 233 лака чистого серебра. Я отправил людей на поверхность и дал им час на отдых, еду и питье. Когда мы остались одни, я воспользовался этим перерывом, чтобы показать девочкам, что в ящиках. Вскрыл один, достал слиток и позволил им подержать его и восхититься.

– Он не такой красивый, как мое ожерелье, – сказала Беката, погладив ожерелье на горле.

– Это все твое, Таита? – задумчиво спросила Техути, разглядывая груды ящиков с серебром.

– Все принадлежит фараону, – ответил я, и она серьезно кивнула. Я видел, что она делает расчеты. Она отлично считала. Наконец Техути улыбнулась и назвала итог.

– Мы очень довольны тобой, Таита.

Она по праву использовала царское «мы».

Когда люди вернулись, я снова приказал им работать. Они стали носить ящики во вторую сокровищницу, чуть меньше первой. В ней нашлось место еще для 216 лаков серебра.

Тут пришел Зарас и сообщил, что первые две триремы полностью разгружены, но на третьем корабле еще остается большой груз.

– Рассвет близок, сиятельный Таита, – предупредил он, потому что ночью я утратил представление о ходе времени, – и люди очень устали.

В его голосе звучала неодобрительная нотка, а лицо было мрачным. Я хотел отругать его, так как не привык к тому, чтобы меня критиковали подчиненные, и сам тоже устал (но готов был работать дальше – несмотря на худобу, я выносливей большинства мужчин), но сдержался.

– Твои люди хорошо поработали, Зарас, и ты тоже. Однако я прошу потерпеть еще немного. Я пойду с тобой на верфь, оценить, сколько еще осталось.

И тут я допустил роковую ошибку.

Я оглянулся на Техути, которая сидела за мной на стуле, наклонившись к свитку папируса. Волосы золотой волной падали ей на лицо, скрывая его. Ей некогда было причесаться.

– Техути, ты работала, как рабыня, – сказал я. – Пойдем со мной наверх. Холодный ночной воздух освежит тебя.

Техути встала. Она вскинула голову, отбросила волосы за спину и посмотрела на Зараса. А он посмотрел на нее.

Я увидел, как при свете лампы раскрылись зеленые глаза Техути, и услышал смех темных богов, далекий и издевательский. И сердцем понял, что наш мирок безвозвратно изменился.

Двое стояли неподвижно, как мраморные статуи, и смотрели друг на друга.

Я постарался взглянуть на Зараса глазами царевны. И хотя я гораздо больше ценю женскую красоту, чем мужскую, я впервые увидел, что он красив, гораздо красивее прочих. И хотя я знал, что он не благородного происхождения, он излучал властность и значительность. К этому добавлялись благородная осанка и прекрасная выправка.

Я знал, что его отец – купец из Фив, собственными трудами наживший значительное состояние. Он постарался, чтобы его сын получил лучшее

образование, какое можно купить за серебро. Зарас умен, он быстро соображает; он прекрасный воин, о чем говорит и его высокий чин. Однако предки его простолюдины, и он не пара царевне из царского дома Тамоса. В любом случае вопрос о паре для своей сестры решит фараон, конечно, посоветовавшись со мной.

Я быстро встал между ними, разрушив соединение их взглядов. Техути посмотрела на меня так, словно я был незнакомцем, которого она видела впервые. Я коснулся ее руки, она чуть вздрогнула, и ее взгляд сосредоточился на мне.

– Идем, Техути, – приказал я.

Я смотрел ей в лицо. Она огромным усилием сохранила самообладание.

– Да, конечно. Прости. Я задумалась, Таита. Конечно, я пойду с тобой.

Я повел ее к входу в сокровищницу. Зарас шел следом. Его движения были гибки, а благоговение смешивалось с восторгом. Я хорошо его знал, но никогда не видел его таким.

Я снова встал между молодой парой.

– Сотник Зарас, ты не идешь с нами. Позаботься, чтобы весы перенесли в соседнюю сокровищницу, потом твои люди могут немного отдохнуть.

Не самые подходящие приказы для военачальника в таком высоком чине. Но его нужно было как-то отвлечь от опасного очарования.

Только тут я понял, что Техути и Зарас могли никогда еще не встречаться. Царевна жила в замкнутом мире дворцового гарема, из которого ей разрешалось выходить только под строгим присмотром. И в этой защитной оболочке я был, вероятно, самым важным звеном.

Она прекрасна, она царевна, и ее девственность – бесценное сокровище короны и государства. Разумеется, возможно, что Зарас видел ее издали в одной из царских процессий или во время пышных обрядов на религиозных праздниках.

Но он никогда не служил в дворцовой страже. Вся его воинская служба проходила на поле боя или в муштре воинов. Я был уверен, что до этого дня он ни разу не оказывался так близко от нее, чтобы оценить ее необыкновенное достоинство и красоту.

Я стал быстро наставлять Зараса:

– Накорми людей, и пусть каждый получит добавку пива. Пусть отдыхают, пока я не отдам приказ продолжить.

И я увел царевен. Зарас смотрел нам вслед.

Когда мы вышли из ворот усыпальницы, я остановился и посмотрел на восток: предвестники рассвета уже розовели на горизонте. Тогда я посмотрел на людей и понял, что многих шатает от усталости. Оба утверждения Зараса были верны.

Я начал подниматься по трапу на третью трирему, а когда встал на палубу, послышались пение труб и грохот колес с дальнего берега реки, от города на нем, приближались колесницы. Я подбежал к борту и всмотрелся в темноту на равнине.

Факелы и смятение там могли означать только одно: фараон получил мое сообщение и вернулся в Фивы. Сердце мое забилось сильнее, как всегда в присутствии фараона. Я спустился по трапу, приказывая принести больше факелов и собрать почетную стражу, но не успел.

Колесница фараона с грохотом вылетела из темноты; весь отряд цепью летел за ним. Вожжи были обмотаны вокруг запястья фараона. Увидев меня, он выкрикнул радостное приветствие и откинулся всем корпусом, натягивая их.

– Добро пожаловать, Таита. Мы скучали без тебя.

Он бросил вожжи вознице и соскочил на землю еще до того, как большие колеса перестали вращаться. Как настоящий колесничий, фараон устоял на ногах и в десяток быстрых шагов очутился возле меня. Схватил, обнял и поднял в воздух перед моими людьми, забывая о моем достоинстве. Но я все ему простил и

рассмеялся вместе с ним.

– Поистине, о великий, мы не виделись чересчур долго. Час без твоего присутствия подобен неделе без солнца.

Он поставил меня на землю и вопросительно осмотрелся. Я видел, что он весь в пыли и грязи, ведь он вернулся из трудной кампании, но не утратил изящества и благородства истинного фараона. Он увидел, что его приветствуют сестры, по очереди обнял их и вернулся ко мне.

Фараон показал на стоящие в гавани у причала большие триремы.

– Что это за корабли? Даже со снятыми мачтами и убранными парусами они вдвое больше других, какие я видел. Где ты их нашел, Таита? – Послание, которое я ему отправил, было загадочным и не сообщало подробностей. Но он не стал ждать ответа и сразу продолжил: – А кто все эти головорезы? Я послал тебя с горсткой людей, а ты вернулся с целым войском, Таита.

Он посмотрел на ряды людей, уходившие от гавани в царскую гробницу. Те, что стояли поближе, поставили ящики на землю и пали ниц в знак повиновения.

– Внешность обманчива, о великий. Это не головорезы, а храбрые люди и верные Египту воины.

– Но что это за корабли? – Он повернулся и с интересом стал разглядывать триремы. – Что скажешь о них?

– Фараон, позволь отвести тебя туда, где мы сможем говорить свободно, – попросил я.

– Хорошо, Таита. У тебя вечно какие-то тайны, верно?

И, не оглядываясь на меня, он прошел к воротам гробницы. Вслед за фараоном Тамосом я спустился в гробницу его предполагаемого отца.

Он остановился у входа в первую сокровищницу и стал рассматривать груду ящиков, заполнивших просторное помещение. Я подумал, что он спросит об их

содержимом, но мне следовало бы знать, что он не снизойдет до этого.

– Странно, что на каждом ящике выжжен символ Верховного Миноса, – только и сказал он, входя во вторую сокровищницу, а потом и в третью, где перед ним склонился Атон.

– Еще удивительнее, что мой достойный управитель стал частью этого твоего подозрительного дела, Таита. – Фараон сел на невысокую еще груду ящиков, вытянул перед собой ноги и с большим любопытством посмотрел на нас обоих. – Ну, говори, Таита. Рассказывай все!

– Может, лучше я покажу, фараон, – предложил я и подошел к ящику, который открыл для его сестер. Я снял с ящика крышку и взял тот же сверкающий слиток, что показывал царевнам. Опустился на одно колено и протянул слиток Тамосу. Он взял его и принялся медленно поворачивать в руках. Провел пальцами по клейму, вплавленному в металл. Это был все тот же нападающий критский бык.

Наконец он негромко спросил:

– На ощупь и по весу настоящее серебро. Разве такое может быть?

– Конечно, может – и есть, фараон. Все ящики, которые ты здесь видишь, заполнены такими слитками.

Он долго молчал; на его пыльном и загорелом лице отразились сильные переживания. А когда он снова заговорил, голос его звучал хрипло.

– Сколько здесь, Тата?

Он использовал мое уменьшительное имя, как всегда, когда хотел выразить свою благодарность и любовь.

– Все ящики полные, Мем, – ответил я, назвав его детским именем. Я единственный, кому он даровал такую вольность.

– Прекрати дурачиться. Скажи, сколько серебра ты привез? Я пытаюсь осмыслить это количество.

Говорил он благоговейно.

– Мы с Атоном взвесили большую его часть, – сказал я.

– Это не ответ на мой вопрос, Тата.

– Мы взвесили все слитки с первых двух кораблей критян и часть слитков с третьего, последнего, корабля. Пока общий итог – четыреста сорок девять лаков, фараон. Осталось, вероятно, взвесить еще сотню лаков, хотя, возможно, и сто пятьдесят.

Он снова замолчал, качая головой и хмурясь. И наконец опять заговорил:

– Почти шестьсот лаков. Хватит, чтобы возвести город вдвое больше Фив со всеми его дворцами и храмами.

– И еще построить десять тысяч кораблей, а того, что останется, хватит на десяток войн – мой фараон, – негромко согласился я. – Достаточно, чтобы отобрать Египет у гиксосских варваров.

– Ты доставил мне довольно средств, чтобы уничтожить Беона и все его войско, – согласился фараон; теперь он говорил быстрее, перед его глазами проплывали видения.

– Поздно, фараон. – Атон встал с колен и встал передо мной, привлекая внимание фараона. – Царь гиксосов Беон уже убит и утоплен. – Он отступил на шаг и картинным жестом показал на меня. – Таита его убил, – провозгласил Атон.

Фараон снова посмотрел на меня.

– Атон говорит правду? Ты убил Беона вдобавок ко всем прочим заслугам перед короной? – спросил фараон.

Я согласно склонил голову. Хвастовство в своих людях, тем более в себе, я нахожу отвратительным.

– Расскажи-ка об этом, Таита. Хочу знать все подробности смерти этого чудовищного животного.

Ответить я не успел: меня опередил Атон.

– Прошу фараона уделить мне еще немного своего царского внимания. – Он поклонился царю. – Чтобы посвятить его рассказу – он того стоит. После нашей окончательной победы над гиксосским тираном он войдет в нашу славную военную историю. Будущие поколения будут петь об этом сыновьям, а те – своим сыновьям. Умоляю, пусть фараон позволит мне сегодня вечером организовать празднество, на котором будут присутствовать все члены государственного совета и царской семьи. Этим празднеством мы по достоинству воздадим подвигу, равному которому, вероятно, не знает наша история.

– Ты прав, вельможа Атон. Таита подал мне угощение, которое не проглотить за раз. Следует насладиться каждым кусочком. Я должен сообщить совету об этой невероятной удаче. Восемь членов совета сейчас находятся в моем дворце в Фивах, совсем рядом. Вельможа Кратас с войском идет за мной с севера, а ты, Таита, и вельможа Атон уже здесь. Можно собрать весь совет за три-четыре часа.

– Времени вполне достаточно, чтобы фараон умылся и отдохнул, – сказал я, посмотрев на его наряд.

– Это славная, честная грязь, Таита, я заплатил за нее гиксосской кровью, – улыбнулся фараон. – Но ты, как обычно, прав. Пусть рабы нагреют мне воду для купания.

К тому времени как собрались все государственные советники, слитки с третьей триремы были перенесены в гробницу и взвешены. Официальное празднество было подготовлено; солнце садилось.

Я пошел к фараону, чтобы рассказать ему как дела, полагая, что он отдыхает. Чтобы избавить его от необходимости отправиться во дворец и снова вернуться до полуночи, я приказал превратить усыпальницу его отца во временное жилище. В гробнице никогда не лежал труп, поэтому в помещении не витал дух смерти. Это было тихое прохладное место, оно хорошо проветривалось через выведенные к поверхности отверстия. Слуги фараона установили его ложе и походную мебель.

Но фараон не отдыхал. Я застал его бодрствующим; он расхаживал по комнате, диктуя письма трем своим секретарям. Он был в чистой одежде, поверх которой надел полированный бронзовый нагрудник, отделанный золотом. Волосы ему вымыли и завили. Он был так же красив, как прекрасна была его мать.

Когда я опустился перед ним на одно колено, он остановил меня, положив руку мне на плечо.

– Нет, Таита, – упрекнул он меня. – Я намерен безотлагательно сделать тебя благородным и включить в свой внутренний совет. Ты больше не должен преклонять передо мной колени.

– Фараон очень щедр. Я не заслуживаю такой чести, – скромно ответил я.

– Конечно, не заслуживаешь, – согласился он. – Просто я хочу избавить тебя от бесконечного прыгания передо мной вверх и вниз. Клянусь ногтями, растущими на пальцах ног Сета, как сказал бы Кратас, у меня от этого кружится голова. Встань и расскажи о сокровище, которое ты добыл для меня.

– Я обещал фараону шестьсот лаков, но до них нам не хватило двадцати лаков.

– Этого с лихвой хватит, чтобы мне отвоевать свое царство, а тебе – сохранить голову на плечах. – Иногда царские шутки внушают мне ужас. – Собрались ли остальные члены моего совета?

– Собрались все, даже сиятельный Кратас. Он прибыл час назад.

– Отведи меня к ним.

Когда мы вышли через ворота гробницы, я сразу понял, какой пышный праздник устраивает в мою честь Атон. Фараон провел меня между рядами царской стражи в парадном платье к большому шатру, воздвигнутому на берегу канала.

Когда мы вошли в шатер, нас уже ждал весь совет. Здесь были все члены царской семьи: обе сестры фараона, двадцать одна жена и сто двенадцать наложниц. Явились все благородные вельможи, все военачальники, государственные советники со всеми помощниками; все мужчины и женщины Египта, которым фараон решил доверить тайну критских сокровищ, собрались приветствовать меня.

Когда мы вошли, все встали; мужчины вытащили мечи и образовали арку, под которой прошли мы с фараоном. Одновременно большой оркестр из арф и рогов, собравшийся за шатром, заиграл героическую музыку.

Потребовалось немало времени, чтобы мы с фараоном добрались к приготовленным для нас сиденьям. Всем собравшимся хотелось прикоснуться ко мне. Меня хватали за руки и осыпали поздравлениями и похвалами.

Вдоль стен шатра через равные промежутки стояли огромные кувшины с вином, каждый выше роста человека. Когда все наконец расселись, слуги наполнили красным вином из кувшинов большие кубки и поставили один перед фараоном. Он отмахнулся.

– Сегодня мы чествуем Таиту. Подайте ему доброго красного вина, и пусть выпьет первым.

Когда я встал, поднял кубок и обратился к фараону, все в огромном шатре смотрели на меня.

– Все почести принадлежат фараону. Он есть наш любимый Египет. Без фараона и без Египта мы подобны праху. Все наши мелочные стремления – ничто.

Я поднес к губам кубок и выпил, а все эти вельможи и их женщины вскочили, выкрикивая мое имя. Даже фараон улыбнулся.

Я чувствовал, что чем меньше скажу, тем больше меня будут любить, поэтому поклонился фараону и снова сел.

Фараон встал и положил правую руку мне на плечо. Потом заговорил сильным, ясным голосом, который был слышен во всех углах шатра:

– Сиятельный Таита заслужил мое одобрение и милость, – начал он просто. – Он сослужил мне и Египту неслыханно важную службу. И заслуживает почтения моего и всех египтян, родившихся и еще не рожденных.

Я возвысил его до благородного. Отныне он будет называться сиятельным Таитой из Мечира.

Фараон замолчал. Наступила вежливая тишина; все это великолепное собрание старалось скрыть удивление. Мечиром называлась деревня на восточном берегу Нила, в тридцати лигах южнее Фив, кучка невзрачных глиняных хижин, населенных столь же невзрачными представителями рода человеческого. Фараон заставил нас еще какое-то время ломать голову над этой загадкой.

– Я также дарую ему – отныне и на все времена – все царские земли на восточном берегу реки Нила между южными стенами города Фивы и городом Мечиром.

Вздох изумления пронесся по шатру. Речной берег от Мечира до Фив – это тридцать лиг плодороднейших земель во всех царских поместьях.

В мгновение ока фараон сделал меня одним из десяти богатейших людей Египта.

Я выразил своим видом должное потрясение и радость услышать о такой щедрости. Однако, когда я целовал его правую руку, мне пришла в голову озорная мысль: поскольку я сделал его одним из богатейших царей мира, мы оба ничуть не пострадали из-за этого обмена дарами.

Но вот фараон поднял серебряный кубок с вином и улыбнулся собравшимся.

– Мои царицы, мои царевичи и царевны, мой благородный двор, я хочу с благодарностью выпить за сиятельного Таиту, да будет славно его имя и да продлятся дни его.

Вероятно, впервые в истории Египта фараон собирался пить за одного из своих подданных. Но вот он сел и знаком пригласил всех последовать его примеру.

– Сиятельный Атон! – произнес он. – Вино великолепное. Я знаю, что пир будет не хуже.

Атон слыл величайшим ценителем яств и лакомкой. По слухам, именно этим он был обязан своему высокому положению царского управителя.

Но слава не всегда бывают заслуженной. Атон хорош, но он не лучший. Филе нильского окуня, которое он приказал подать, было недосолено, а пустынную дрофу слегка пережарили. К тому же он позволил дворцовому повару употребить слишком много бахаратских пряностей. Если бы это поручили мне, подозреваю, что блюда были бы приготовлены лучше, но вино было действительно таким хорошим, что никто не замечал этих мелких изъянов.

К тому времени как Атон встал, чтобы произнести похвальное слово, общество уже разгорячилось и буйно шумело. Я мельком подумал, к какому поэту обратился бы на его месте. Разумеется, сам я не мог быть этим поэтом, ведь я и есть главная тема сочинения. Поэтому я подумал, что Атон предложит это почетное задание Резе или Тояку.

Но Атон всех поразил. Отдавая дань уважения признанным поэтам Египта, он постарался оправдать свое решение, подчеркнув, что его избранник должен был быть очевидцем событий. Мысль, конечно, нелепая. С каких это пор для сочинения великих стихов необходимы факты?

– Великий фараон и царевны, прошу вас приблизиться и послушать доблестного воина из отряда Синего Крокодила, который плавал с вельможей Таитой. – Он сделал выразительную паузу. – Представляю вам сотника Зараса.

Все замерли, когда из-за занавеса вышел Зарас и склонился перед фараоном, удивленным не меньше всех собравшихся. Я подумал, что из всех присутствующих я, вероятно, единственный, кто когда-либо слышал о сотнике

Зарасе из отряда Синего Крокодила. И тут в моем сознании что-то встало точно на место, как входит в ножны кинжал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/uilbur-smit/bozhestvo-pustyni/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

Купить: https://tellnovel.com/ru/uilbur-smit/bozhestvo-pustyni-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить